

DOI 10.23859/2587-8344-2020-4-2-2

Хатанзейская Елизавета ВладимировнаКандидат исторических наук,
научный сотрудникНаучного центра традиционной культуры и музейных практик,
ФГБУН Федеральный исследовательский центр комплексного
изучения Арктики им. академика Н.П. ЛавероваРоссийской академии наук
(Архангельск, Россия)

ORCID 0000-0002-8576-8101

lisavett@yandex.ru

Khatanzeiskaya, Elizaveta

Candidate of Historical Sciences

Researcher of Scientific Centre of Traditional Culture
and Museum Preservationof N.P. Laverov Federal Centre for Integrated Arctic Research
of the Russian Academy of Sciences

(Arkhangelsk, Russia)

orcid.org/0000-0002-8576-8101

lisavett@yandex.ru

**Архангельск в 1939–1945 гг.: милитаризация управленческих практик
и городская повседневность военного времени *****Arkhangelsk in 1939–1945: Militarization of Administrative Practices
and Urban Everyday Life in Wartime**

Аннотация. Статья посвящена малоизученным аспектам региональной истории советского портового города – трансформации повседневности времен Второй мировой войны, процессу милитаризации системы управления, общественной жизни и сознания населения, влиянию войны на жизнь и здоровье его обитателей. Опыт Архангельска

* Для цитирования: *Хатанзейская Е.В.* Архангельск в 1939–1945 гг.: милитаризация управленческих практик и городская повседневность военного времени // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* – 2020. – Т. 4. – № 2. – С. 340–391. DOI: 10.23859/2587-8344-2020-4-2-2

For citation: Khatanzeiskaya, E. “Arkhangelsk in 1939–1945: Militarization of Administrative Practices and Urban Everyday Life in Wartime.” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 4, no. 2 (2020): 340–91, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2020-4-2-2>

© Хатанзейская Е.В., 2020

© Khatanzeiskaya E., 2020

военного времени уникален еще и тем, что в процентном соотношении это был второй город в Советском Союзе по количеству погибших мирных жителей после блокадного Ленинграда. Архангельск не был блокирован, однако четверть его мирного населения погибла в военное время от голода и болезней, связанных с войной. Являясь крупным транспортным узлом и морским портом союзного значения на Севере страны, город выполнял важную связующую роль, принимая значительную часть стратегических грузов от союзников СССР по антигитлеровской коалиции и направляя их на фронт по железной дороге вглубь страны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Архангельск, милитаризация, голод, репрессии, смертность населения.

Abstract. The article is devoted to little studied aspects of the regional history of the Soviet port city: transformation of everyday life during the Second World War, the process of government system militarization, public life and public consciousness, the impact of the war on life and health of its inhabitants. The experience of wartime Arkhangelsk is unique because in percentage terms Arkhangelsk was the second city in the Soviet Union after besieged Leningrad by the number of civilian victims. Arkhangelsk was not blockaded, but a quarter of its civilian population died in wartime from famine and war-related illnesses. Being a major transport hub and a seaport of national importance in the North of the country, the city played an important connecting role, taking a significant part of strategic cargos from the USSR allies in the anti-Hitler coalition and directing them inland to the front by rail.

Key words: World War II, Arkhangelsk, militarization, famine, repression, population mortality rate

Долгое время городская повседневность военного времени не являлась специальным предметом исторического исследования в отечественной историографии. Советскими историками изучались, главным образом, такие проблемы, как роль городской промышленности и стратегическое значение советских городов в годы войны. Стратегическое значение Архангельска, деятельность транспортного флота и порта в годы Великой Отечественной войны исследователи стали изучать еще в советское время¹.

«Антропологический поворот» в европейской, американской, затем и российской историографии привел к тому, что акцент изучения событий войны переместился с глобальных экономических и политических структур в сторону жизни простого человека с его частным миром, мировоззрением, проблемами и потребностями. Это дало стимул к развитию новых антропологически ориенти-

¹ Эдлинский С.Ф. Северный транспортный флот в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. – Москва: Морской транспорт, 1963; Научное и хозяйственное освоение Советского Севера, 1933–1945 гг.: в 4 т. Т. 4. Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути. – Ленинград: Морской транспорт, 1969; Сунрун М.Н. Архангельск в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: дис. ... канд. ист. наук. – Ленинградское отделение Института Истории Академии Наук СССР, 1983.

рованных направлений в отечественной исторической науке, и прежде всего, военно-исторической антропологии² и истории повседневности. Проблематика городской повседневности времен Второй мировой войны в России наиболее полно изучена на материалах блокады³. Сегодня городская повседневность военного времени является одной из самых востребованных тем в проблемном поле современного научного сообщества в России и мире⁴.

Данная статья выполнена в русле военно-исторической антропологии, истории повседневности и истории ментальности, смещающих акцент изучения с глобальных макроэкономических и политических структур в сторону жизни «простого», то есть непримечательного с точки зрения власти, человека. Поскольку исследование посвящено истории повседневности военного города, его источниковую базу, помимо архивных документов, составили источники личного происхождения – мемуары, письма, воспоминания, дневники, а также интервью, записанные автором.

Начало Второй мировой войны с последовавшими военными действиями на территории Карелии, Финляндии и Норвегии определило место Архангельска как города-порта ближнего тыла Северо-Западного фронта. Данное обстоятельство сопровождалось усилением централизации власти и перераспределением ресурсов в пользу милитаризации, что не могло не повлиять на жизнь архангелогородцев. В 1939 г. ужесточились требования к въезду в город. Близость фронта предполагала мобилизацию всех ресурсов для военных нужд, и прежде

² *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – Москва: РОССПЭН, 1999.

³ *Яров С.В.* Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. – Москва: Молодая гвардия, 2013; *Яров С.В.* Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. – Москва: Центрполиграф, 2012; *Ковальчук В.М., Рупасов А.И., Чистиков А.Н.* Ленинградцы в годы Великой Отечественной войны: адаптационные практики // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / ответственные редакторы А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. – Москва: РОССПЭН, 2010. – С. 380–387; *Ломагин Н.А.* В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. – Санкт-Петербург: Аврора-дизайн, 2014.

⁴ *Dodd L., Lees D.* Vichy France and Everyday Life: Confronting the Challenges of Wartime, 1939–1945. – London: Bloomsbury Academic, 2018; *Dodd L.* French children under the Allied bombs, 1940–45: An oral history. – Manchester: Manchester University Press, 2016; *Yamashita S.H.* Daily life in wartime Japan, 1940–1945. – Kansas: University Press of Kansas, 2017; *Khatanzeiskaya E.* Everyday Life in Wartime Arkhangelsk: The Problem of Starvation and Death during Second World War (1939–1945) // Septentrio Conference Series. – 2015. – No. 4. Living in the war: Health Care and Living Conditions in Barents region, 1939–1945. Part 2. – URL: <https://septentrio.uit.no/index.php/SCS/article/view/3630>; *Супрун М.Н.* Архангельск военный, 1941–1945 гг. // Война и блокада: сборник памяти В.М. Ковальчука. – Санкт-Петербург: Нестор-история, 2016. – С. 247–259; *Suprun M.* Strength and weakness of the totalitarianism in Wartime Soviet Union // Septentrio Conference Series. – 2015. – No. 4. Living in the war: Health Care and Living Conditions in Barents region, 1939–1945. Part 2. – URL: <https://septentrio.uit.no/index.php/SCS/article/view/3632>.

всего, людских. С началом советско-финляндской («Зимней») войны из архангелогородцев были сформированы 88-я стрелковая дивизия, 9-й лыжный батальон 9-й армии, 41-й и 43-й лыжные батальоны 14-й армии Ленинградского военного округа. Вскоре жители города и области реально почувствовали трагические последствия войны: на 15 тысяч человек из числа мобилизованных пришли похороны или извещения о пропаже без вести⁵.

Одновременно с мобилизациями происходила эвакуация в Архангельск населения, портового хозяйства, важнейших учреждений и предприятий из прифронтовой полосы, преимущественно из Карельской АССР и Мурманской области. В полном составе в Архангельск было эвакуировано из Мурманска Арктическое морское пароходство⁶. С введением советских войск в Польшу, в Архангельскую область к марту 1940 г. в качестве спецпереселенцев прибыло 42 тысячи польских граждан из числа «осадников», «лесников» и беженцев (8 084 семьи)⁷. Часть из них, главным образом, специалисты из числа еврейских беженцев, были отправлены на работу в Архангельск⁸. Всего в Архангельскую область было депортировано 58 тысяч польских граждан⁹. Почти одновременно в северную глубинку начали приходить эшелоны со спецпоселенцами из Прибалтики и Молдавии.

Опыт «Зимней» войны показал огромное стратегическое значение Архангельска. Неслучайно, 26 марта 1940 г., спустя лишь две недели после подписания советско-финляндского мирного договора, приказом наркома обороны СССР город был объявлен центром создаваемого Архангельского военного округа, который включил в себя территорию Архангельской и Вологодской областей, а также Коми АССР¹⁰. В Архангельск стали прибывать представители высшего военного командования, штабные и строительные подразделения ар-

⁵ Данные организации «Поиск», см. Зимняя война. Безвозвратные потери Красной Армии в период Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. – URL: <http://winterwar.karelia.ru/site/parts/division/> (дата обращения: 05.04.2016).

⁶ Супрун М.Н. Архангельск в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – С. 5.

⁷ Докладная записка обкома ВКП(б) в Управление НКВД по Архангельской области о численности спецпоселков и спецконтингента в Архангельской области на март 1940 г. // Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (далее – ОДСПИ ГААО). – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 661. – Л. 29.

⁸ Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в Архангельской, Кировской областях и Коми АССР в 1940–1941 гг. // Каторга и ссылка на Севере России. Сборник статей. Т. 1: Польская ссылка / составитель и научный редактор М.Н. Супрун. – Санкт-Петербург; Архангельск: [б.и.], 2004. – С. 139–140.

⁹ Васильченко Т.Е. Польские граждане на Европейском Севере СССР: от депортации к амнистии и репатриации (1939–1946): монография / под редакцией М.Н. Супруна. – Архангельск: Поморский государственный университет, 2010. – С. 30–31.

¹⁰ Мельтюхов М.И. Красная армия перед войной: организация и кадры // Военная литература. – URL: <http://militera.lib.ru/research/meltyukhov/09.html> (дата обращения: 08.08.2016).

мии и флота, в общей сложности – не менее 5 тысяч человек¹¹. Им были переданы лучшие здания, включая дома и квартиры городского жилфонда¹². Наряду с увеличением численности воинского контингента, милитаризация жизни города стала проявляться практически во всех сферах: политической, хозяйственной, культурной.

Эскалация военных действий в Европе и особенно стремительная оккупация Норвегии весной 1940 г. нагнетали атмосферу близости войны. Проведенная летом 1940 г. серия учений («Оборона Белого моря при попытке сил противника прорваться к портам»¹³; «Активная оборона рыбных промыслов в советских водах»¹⁴ и «Оборона Кольского залива при попытке прорыва противника»¹⁵) создавала еще большую напряженность. Поэтому в своих решениях городские партийные и советские органы в первую очередь ориентировались на укрепление обороноспособности города, региона и страны. В горкоме¹⁶ и обкоме¹⁷ партии создаются военные отделы. После увольнения прокурора области и ряда его коллег, не обеспечивших надлежащего контроля за проведением в жизнь Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», в обкоме для усиления партийного надзора были образованы «судебно-прокурорский сектор» и «сектор НКВД»¹⁸. Вследствие возникшего ажиотажа на товары первой необходимости и продукты, с началом Второй мировой войны при отделе кадров обкома создан «сектор торговли и кооперации»¹⁹.

В целом существенно увеличилась численность управленческого аппарата города и области. В январе 1940 г. в учетно-распределительную номенклатуру обкома ВКП(б) было дополнительно включено 2 819 должностей²⁰, из них 234 должности работников НКВД²¹. В условиях войны активизировалась работа общественных организаций, ориентированных на оборонную работу. Самыми массовыми среди них были ячейки Общества содействия авиационному и

¹¹ Подсчитано по: Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 81. – Л. 54 об.; Государственный архив Российской Федерации. – Ф. А-374. – Оп. 23. – Д. 443. – Л. 61.

¹² ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 538. – Л. 91.

¹³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). – Ф. 475. – Оп. 2. – Д. 258. – Л. 7–9.

¹⁴ РГАСПИ. – Ф. 475. – Оп. 2. – Д. 259. – Л. 9–10.

¹⁵ РГАСПИ. – Ф. 475. – Оп. 2. – Д. 315. – Л. 11–15.

¹⁶ ОДСПИ ГААО. – Ф. 834. – Оп. 1. – Д. 933. – Л. 1–3.

¹⁷ ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 638. – Л. 1–3.

¹⁸ ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 707. – Л. 127.

¹⁹ ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 811. – Л. 1–3.

²⁰ ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 585. – Л. 5.

²¹ Там же. – Л. 85.

химическому строительству (Осоавиахим) и Общества Красного Креста и Красного Полумесяца (РОКК). Еще до войны, в 1935 г., были установлены нормативы сдачи на значок «Готов к ПВХО» («Готов к противовоздушной и противохимической обороне»). С началом Второй мировой войны работа по подготовке населения к противовоздушной и военно-санитарной обороне активизировалась²².

Номинально общесоюзная система местной противовоздушной обороны (МПВО) существовала с 1932 г. В Архангельске создание системы МПВО реально началось лишь с июля 1939 г., когда был образован городской штаб МПВО и началась планомерная работа по созданию групп самозащиты и обучению населения действиям в чрезвычайных ситуациях. После 7 октября 1940 г., когда МПВО была включена в систему НКВД, служба получила особый статус²³. Город был поделен на 7 районов, в каждом из которых были созданы участковые, на предприятиях – объектовые команды, а при домоуправлениях – группы самозащиты. Участковые команды и группы самозащиты подчинялись начальнику отделения милиции²⁴. В феврале 1940 г. были проведены первые учения по полной светомаскировке города²⁵.

Одной из самых серьезных проблем в условиях мобилизации являлась проблема кадров. В 1939–1940 гг. вышла серия законодательных актов по укреплению трудовой дисциплины. Ключевым из них был вышеупомянутый Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., который установил уголовную ответственность за опоздания и прогулы, а также самовольный уход с работы. К прогулу приравнивалось опоздание более чем на 20 минут. Запрет на увольнение по собственному желанию фактически закреплял рабочих за предприятиями²⁶. Контроль над движением работников позволяли осуществлять введенные в 1939 г. трудовые книжки²⁷.

В дополнение к Указу от 26 июня 1940 г., Совет народных комиссаров СССР 3 июля 1940 г. принял постановление «О повышении норм выработки и снижении расценок в связи с переходом на 7-дневную рабочую неделю для рабочих и служащих, имевших 8-часовой рабочий день»²⁸, согласно которому со-

²² Если в середине 1939 г. в городе насчитывалось 1 654 члена Осоавиахима и 632 члена РОКК, то к концу года их численность возросла на четверть. Подсчитано по: ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 638. – Л. 8.

²³ ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 530. – Л. 26–27.

²⁴ Супрун М.Н. Архангельск в годы Великой Отечественной войны. – С. 25.

²⁵ ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 638. – Л. 86.

²⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на 8-часовой рабочий день и 7-дневную рабочую неделю» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1940. – 26 июня. – № 20.

²⁷ Трудовые книжки вводились Постановлением СНК СССР от 20 декабря 1938 г.

²⁸ ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 659. – Л. 91.

хранились дневные тарифные ставки и повышались нормы выработки, а также снижались сдельные расценки пропорционально увеличению рабочего дня²⁹. В итоге рабочее время на предприятиях страны увеличивалось на 30–33 часа в месяц, то есть на 15–20 %, при снижении заработной платы. Таким образом, данные Указ и Постановление формально позволяли высвободить до 15 % рабочей молодежи призывного возраста. В дополнение к указанным документам, Президиум Верховного Совета СССР 10 июля 1940 г. ввел суровое наказание (до 8 лет лишения свободы) за выпуск некачественной продукции³⁰. Спустя месяц, 10 августа 1940 г., Президиум Верховного Совета установил наказание в виде тюремного заключения сроком до одного года за «мелкую кражу» или хулиганские действия, совершенные на предприятии³¹.

Одновременно с выполнением данных постановлений горком и обком ВКП(б) прибегли к трудовым мобилизациям на «прорывные» участки работ. В связи с начавшейся летом 1940 г. реконструкцией Архангельского порта, помимо новых партий спецконтингента, в Архангельск прибыло 800 мобилизованных рабочих из Мордовии и Чувашии, кроме того, еще 200 рабочих архангельских предприятий были сняты с работы и направлены в распоряжение начальника порта³².

Большую роль в условиях советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в связи с уходом на фронт квалифицированных рабочих были призваны сыграть школы фабрично-заводского обучения и ремесленные училища, предназначенные для молодежи допризывного возраста. Если в условиях «индивидуально-бригадной» подготовки по отдельным специальностям на обучение уходили годы, то в школах трудовых резервов молодежь можно было обучить за несколько месяцев, что было крайне важно в условиях войны. На быстрое замещение призванных в армию рабочих был рассчитан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. о создании школ фабрично-заводского обучения (ФЗО) и ремесленных училищ (РУ), куда молодежь 14–16 лет набирали по спецразрядкам и закрепляли за местами обучения³³. За нарушение дис-

²⁹ Постановление СНК СССР «О повышении норм выработки и снижении расценок в связи с переходом на 8-часовой рабочий день» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1940 г. – 26 июня. – № 20.

³⁰ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1940. – № 23.

³¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1940. – № 28 (91).

³² ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 707. – Л. 1, 53–55; Д. 659. – Л. 42.

³³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. «О государственных трудовых резервах СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1940. – № 37.

циплины и самовольный уход из училищ подростки, несмотря на юный возраст, подвергались заключению в колонии сроком до 1 года³⁴.

В 1939 г. началась производственная деятельность крупнейшего судостроительного завода № 402 в г. Молотовске³⁵ (соврем. Северодвинск). В связи с увеличением грузооборота архангельского транспортного узла, переброской военных грузов и воинских контингентов, созданием Беломорской военно-морской базы, управление которой в августе 1940 г. было перенесено в Архангельск, началась реконструкция архангельского железнодорожного узла и порта³⁶.

Участие Советского Союза в военных кампаниях на западных границах в 1939–1941 гг. и связанные с ними военные приготовления были своего рода прелюдией, репетицией надвигавшейся большой войны. Войну ждали, к ней готовились. Но никто не ожидал после ее начала 22 июня 1941 г. столь стремительного продвижения германских войск вглубь страны. 8 сентября войска Вермахта блокировали Ленинград. В начале сентября была блокирована киевская группировка советских войск, захвачен Смоленск. Вермахт приступил к подготовке решающего броска на Москву. Германскому «блицкригу» во избежание катастрофы можно было противопоставить лишь тотальную мобилизацию всех советских ресурсов в максимально сжатые сроки, под которую начала перестраиваться вся государственная структура в центре страны и на местах.

30 июня 1941 г. был сформирован Государственный комитет обороны (ГКО). Подобные органы, наделенные чрезвычайными полномочиями, создавались и в западных регионах. 15 октября 1941 г., сразу после подписания Первого (Московского) Протокола об оказании помощи СССР по ленд-лизу, в Архангельске, в силу его особой роли в приемке союзнических стратегических грузов, был создан штаб И.Д. Папанина, назначенного И.В. Сталиным уполномоченным ГКО по перевозкам на Севере³⁷. С началом массированных бомбардировок города, 13 сентября 1942 г. был образован местный чрезвычайный орган во главе с первым секретарем обкома ВКП(б) Г.П. Огородниковым – Городской

³⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1941. – № 1; Уголовный кодекс РСФСР. – Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1950. – С. 164.

³⁵ РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 1026. – Л. 157.

³⁶ РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 1027. – Л. 56.

³⁷ Архангельская область в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: сборник документов / составители В.А. Бутко и др. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1975. – С. 38.

комитет обороны (Гоко), в состав которого вошли председатель облисполкома, начальники гарнизона и областного управления НКВД³⁸.

Здание Архангельского Главпочтамта. Лето 1941 г.
Источник: Государственный архив Архангельской области

Решая в первую очередь оборонные задачи, Гоко выстроил под себя всю «пирамиду власти». В горкоме ВКП(б) были дополнительно созданы специальные отделы, комитеты и комиссии. В сентябре 1941 г. при горкоме был образован комитет помощи раненым, позднее – комиссии по отбору военнообязанных. В ноябре 1941 г. на транспорте и в сельском хозяйстве были образованы политотделы, взявшие под контроль работу предприятий³⁹.

Положение прифронтового города требовало поддержания в Архангельске строжайшего военного порядка. Военный совет Архангельского военного округа 24 июня 1941 г., в соответствии с Указами Президиума Верховного Совета от 22 июня «О военном положении»⁴⁰ и «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения»⁴¹, издал приказ «Об обеспечении общественного порядка и оборонных мероприятий по Архангельской и Вологодской облас-

³⁸ Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои, 1941–1945. – Москва: Андреевский флаг, 1997. – С. 45–46.

³⁹ Северяне – победе. Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны: сборник / составитель К.К. Костров. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1980. – С. 114.

⁴⁰ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1941. – № 29.

⁴¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1941. – № 29.

тям», в соответствии с которым в г. Архангельске и Архангельской области объявлялось военное положение⁴². Это означало введение в Архангельске «комендантского часа». Для контроля за порядком передвижения была организована система комендатур. К работе по охране порядка были привлечены добровольцы, из которых формировались добровольные милицейские бригады («бригадмилы»)⁴³. Наряду с усилением патрульной службы, осуществляемой военными и милицейскими органами, в городе устанавливалось обязательное ночное дежурство жильцов возле своих домов⁴⁴. Житель Архангельска, безработный одинокий пенсионер Филадельф Никанорович Паршинский 25 июня 1941 г. так описывал происходящее в своем дневнике:

Пединститут вчера переселился в АЛТИ (Архангельский лесотехнический институт – *ред.*). Сегодня эвакуировалась почта. Библиотека и столовая еще функционируют. Сегодня воспрещено всякое движение по городу с 24 часов до 4 ч. 30 мин.⁴⁵

С увеличением периода темного времени суток, с 18 августа 1941 г. вводился порядок тщательной светомаскировки в жилых кварталах и на промышленно-транспортных объектах⁴⁶. По Указу Президиума Верховного Совета «О военном положении» и ввиду недостатка финансовых и материально-технических ресурсов, руководство страны прибегло к привлечению населения к бесплатной трудовой и гужевой повинности⁴⁷. Неисполнение гражданами постановлений местной власти о трудовой повинности каралось штрафом до 3 тыс. руб. либо лишением свободы до 6 месяцев⁴⁸. Уже 1 июля архангелогородцы были направлены на строительство и ремонт дороги до порта Экономия и на создание аэродромов на Бакарице и о. Ягодник⁴⁹. Сотни жителей города работали на строительстве «дороги жизни Севера» – Сорока (Беломорск) – Обозерская, возводили оборонительные укрепления на подступах к Москве⁵⁰. В соответствии с постановлением ГКО от 22 августа 1941 г. 30 500 северян были направлены на строительство оборонительных сооружений на Северном (с 23 августа – Ка-

⁴² ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 908. – Л. 103.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Правда Севера. – 1941. – 27 июня.

⁴⁵ Дневник жителя г. Архангельска Ф.Н. Паршинского. 21 июня 1941 г. – 2 января 1942 г. // Война. Запечатленные дни 1941–1942 гг. Дневники и документы / авторы-составители: В.Н. Ильин, В.А. Радишевская, Т.В. Титова. – Архангельск: Правда Севера, 2005. – С. 18.

⁴⁶ ГААО. – Ф. 1936. – Оп. 9. – Д. 1636. – Л. 32.

⁴⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1941. – № 29.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 919. – Л. 72.

⁵⁰ Супрун М.Н. Архангельск в годы Великой Отечественной войны. – С. 63.

рельском) фронте⁵¹. В ноябре 1941 г. еще 20 тыс. северян, в основном молодые женщины, выехали на возведение укрепительного рубежа от Вытегры до Пошехонья⁵².

Горожане роют укрытия для защиты от нападений вражеской авиации. Лето 1941 г.
Источник: Государственный архив Архангельской области

Крайне важной составляющей в укреплении обороны города была система местной противовоздушной обороны (МПВО). Неподготовленность города к отражению атак с воздуха показала первая воздушная тревога 29 июня 1941 г.⁵³ Именно 29 июня 1941 г. было принято постановление ГКО «О военном обучении населения», которое предписывало до 5 июля 1941 г. в городах и районах области создать и обучить резервные отряды МПВО и группы самозащиты для обеспечения мер коллективной противовоздушной и противохимической обороны. Все организованные до войны медицинские, противопожарные, наблюдательные и аварийно-спасательные команды с 26 июня по приказу начальника МПВО Архангельска переводились в состояние полной боевой готовности⁵⁴. 12 июля 1941 г. бюро Архангельского горкома ВКП(б) приняло решение об организации МПВО в жилом секторе. В каждом квартале организовывалась противопожарная группа самозащиты. Численный состав звеньев групп самозащиты утверждался типовыми штатами МПВО НКВД СССР⁵⁵. Именно группы самообороны МПВО сыграли решающую роль в спасении города, который на

⁵¹ ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 911. – Л. 15. Северный фронт 23 августа 1941 г. был разделен на Карельский и Ленинградский.

⁵² ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 921. – Л. 5.

⁵³ ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 919. – Л. 61–62.

⁵⁴ ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 908. – Л. 126–127.

⁵⁵ ОДСПИ ГААО. – Ф. 834. – Оп. 2. – Д. 8. – Л. 47–49.

90 % состоял из деревянных строений, и его населения. К лету 1942 г., к началу массированных бомбардировок Архангельска, свыше 150 тыс. жителей прошли обучение по нормам «Готов к ПВХО»⁵⁶.

Здание Архангельского лесотехнического института, в котором в годы Великой Отечественной войны располагался госпиталь, после налета вражеской авиации. Зима 1943 г.

Источник: Государственный архив Архангельской области

Площадь перед Архангельским Драматическим театром. Лето 1942 г. Архангелогородцы роют укрытия от налетов вражеской авиации.

Источник: Государственный архив Архангельской области

⁵⁶ ГААО. – Ф. 1936. – Оп. 9. – Д. 1655. – Л. 15.

Другим важнейшим направлением деятельности властей города была мобилизация на фронт. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О мобилизации военнообязанных по Ленинградскому ... Архангельскому ... военным округам» предполагал срочный призыв в армию военнообязанных 1905–1918 гг. рождения⁵⁷. Только по первой мобилизации с архангельских предприятий было направлено на фронт 9 тыс. «производственных рабочих», не считая «спецмобилизации». Всего за годы войны Архангельск направил в действующую армию 67 тыс. жителей, 23 тыс. из них не вернулись с полей сражений⁵⁸.

Архангелогородцы первого призыва на фронт возле здания Казарм флотского полуэкипажа в Соломбале. 23 июня 1941 г.
Источник: Государственный архив Архангельской области

Важнейшей проблемой военного времени оставалось кадровое перераспределение трудовых ресурсов. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. ввел сверхурочные работы с оплатой в полуторном размере и замену отпусков денежной компенсацией⁵⁹. Для рабочих архангельских лесозаводов (18,7 тыс. чел.) рабочий день увеличился на 3 часа, что теоретически в

⁵⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О мобилизации военнообязанных по Ленинградскому, Прибалтийскому особому, Западному особому, Киевскому особому, Одесскому, Харьковскому, Орловскому, Московскому, Архангельскому, Уральскому, Сибирскому, Приволжскому, Северо-Кавказскому и Закавказскому военным округам» // *Война 1941–1945: сборник документов* / под редакцией С. Кудряшова. – Москва: Архив Президента Российской Федерации, 2010. – С. 27–28.

⁵⁸ *Супрун М.Н.* Архангельск в годы Великой Отечественной войны. – С. 63.

⁵⁹ *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов за 50 лет: в 16 т. Т. 3. 1941–1952 гг.* / составители К.У. Черненко и М.С. Смиртюкова. – Москва: Политиздат, 1968. – С. 37–38.

«человеко-часах» почти полностью компенсировало число ушедших на фронт. При этом закономерно интенсифицировался труд оставшихся рабочих при снижении качества работ, что нередко влекло за собой увеличение травматизма⁶⁰. 23 июля 1941 г. СНК СССР принял постановление «О предоставлении Совнаркомом республик, край(обл)исполкомам права переводить рабочих и служащих на другую работу», которое позволяло перераспределять рабочую силу в интересах оборонных отраслей⁶¹. Своего пика военное законодательство достигло в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г., по которому рабочие и служащие, занятые в военной промышленности, были признаны мобилизованными и закреплены за предприятиями, на которых работали. Самовольный уход с предприятий приравнялся к дезертирству и карался по законам военного времени⁶².

На тотальную помощь фронту перестраивались и промышленные предприятия города, зачастую выпуская продукцию, далекую от их профиля. В результате всеобщей милитаризации промышленности города к зиме 1941 г. из продажи почти исчезли товары повседневного обихода.

Работу флота Северного бассейна, ремонт боевых кораблей и торговых судов обеспечивали 8 судоремонтно-судостроительных заводов и верфей Архангельска, крупнейшими среди которых были «Красная Кузница» и завод № 402 г. Молотовска. С 1941 г. заводы № 402 г. Молотовска, «Красная Кузница», Соломбальский машиностроительный завод решениями ГКО были переключены на производство боеприпасов (бронебойных снарядов, взрывателей), осколочных мин, ручных гранат, бронированных аэросаней и саней-волокуш, минометов⁶³. Судоремонтники Архангельска выполняли и специальные правительственные заказы по производству корпусов мин, зажигательных и фугасных авиабомб. Чтобы компенсировать сокращение рабочей силы, связанное с призывом в действующую армию, на эти предприятия были направлены выпускники ремесленных училищ № 1 г. Молотовска и № 2 г. Архангельска⁶⁴.

С началом военных действий летом 1941 г. весь траловый, промысловый и обслуживающий флот, а также предприятия Главсеврыбпрома из Мурманска были переведены в Архангельск. Объем работы в Архангельске с прибытием мурманских организаций значительно возрос, а также изменились условия ра-

⁶⁰ Супрун М.Н. Архангельск в годы Великой Отечественной войны. – С. 104.

⁶¹ Постановление СНК СССР от 23 июля 1941 г. «О предоставлении Совнаркомом республик, край(обл)исполкомам права переводить рабочих и служащих на другую работу» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938–1944 гг. – Москва: Ведомости Верховного Совета СССР, 1945. – С. 236–237.

⁶² Там же. – С. 247.

⁶³ ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 1136. – Л. 20–21.

⁶⁴ ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 889. – Л. 47.

боты, требующие максимального увеличения вылова рыбы при ограниченном количестве тральщиков⁶⁵.

С началом Великой Отечественной войны город приобрел важное международное значение. После первых переговоров о взаимопомощи стран-союзниц по антигитлеровской коалиции 20 июля 1941 г. в Архангельске была развернута британская военно-морская миссия, а в августе – военно-морская миссия США. Обе они были призваны координировать действия флотов и, в случае выхода СССР из войны, предотвратить захват советского флота⁶⁶.

31 августа в Архангельск прибыл первый союзный конвой «Дервиш», а уже к декабрю 1941 г. в порт было проведено 7 союзных караванов в составе 52 судов, которые доставили 699 самолетов, 466 танков, 330 танкеток и другие военно-стратегические грузы, составившие 95 % всех грузов, поставленных в СССР союзниками в 1941 г.⁶⁷

Помимо важного стратегического транспортного и промышленного центра, Архангельск стал ближайшим тылом Карельского фронта. Здесь было развернуто 20 госпиталей, которым были предоставлены помещения школ, больниц, клубов, институтов⁶⁸.

Существенный вклад в победу вносили ученые Архангельска, проводившие изыскание местных ресурсов для замены дефицитных материалов и сырья. Заказы фронта и острые потребности тыла определяли проблематику изысканий деятелей науки. Химиками АЛТИ В.М. Никитиным и И.М. Боховкиным была создана самовоспламеняющаяся жидкость для борьбы с танками, которую стали изготавливать в химическом цехе и лабораториях АЛТИ⁶⁹. Доцентом медицинского института А.И. Ведринским по заданию наркомата ВМФ была изобретена специальная паста, предупреждающая замерзание оптических приборов. Он же, являясь заместителем директора по науке Архангельского агарового завода, организовал работу по поиску и производству альтернативных пищевых ресурсов, а также производство альгината натрия для лечения ран. Вместе с доцентом Матусисом в 1940 г. А.И. Ведринский разработал технологию производства экстракта шиповника, насыщенного витамином С⁷⁰. Кроме того, им же был разработан ценнейший экстракт из хвои сосны для лечения цинги, спасший от гибели тысячи жителей города⁷¹. Хирурги Г.А. Орлов и С.И. Елиза-

⁶⁵ ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 889. – Л. 86.

⁶⁶ Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои 1941–1945 гг. – С. 33–34.

⁶⁷ Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои 1941–1945 гг. – С. 44.

⁶⁸ Архангельская область в годы Великой Отечественной войны. – С. 153.

⁶⁹ ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 921. – Л. 85.

⁷⁰ ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 1016. – Л. 1–2.

⁷¹ Автобиография профессора А.И. Ведринского // Архив музея истории медицины Европейского Севера Северного государственного медицинского университета. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 412. – Л. 2–5.

ровский разработали способ реконструкции поврежденных нервов, который был одобрен главным хирургом РККА Н.Н. Бурденко⁷².

Усиление централизации и переход жизни советских городов на «военные рельсы» с началом Второй мировой войны повлекли за собой установление военного порядка, сопровождавшееся новым витком репрессий. Сосланный в 1930 г. в Архангельск костромской краевед, историк, археолог и геолог, Василий Иванович Смирнов в своем письме к брату от 12 ноября 1940 г. отмечал: «Идут аресты среди учащейся молодёжи. Между прочим, арестовали сына студента А.П. Угрюмова, юношу 21 года»⁷³. УНКВД усилило контроль за настроениями населения, расширив сеть осведомителей, в первую очередь через систему МПВО. О любых фактах проявлений политической нелояльности немедленно докладывалось в НКВД. Особенно эта тенденция усилилась с началом Великой Отечественной войны. К контрреволюционной агитации и шпионажу приравнивались самые незначительные проступки. В первой декаде июля 1941 г. штаб МПВО отдал распоряжение о необходимости оклейки стекол в оконных рамах для защиты их от взрывной волны авиабомб. Тут же по рабочему поселку лесозавода № 23 распространился слух о том, что надо снимать занавески с окон и шторы с дверей, салфетки со столов, все белье убрать и быть готовыми для выезда. За 1,5 часа в значительной части домов поселка занавески, шторы, салфетки были убраны. «Виновница» данного слуха, гражданка Т.А. Севастьянова, была сразу же арестована, материал по делу передан в военный трибунал⁷⁴. В своих действиях местные власти опирались на постановление ГКО № 31 от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу у населения»⁷⁵.

В сентябре 1941 г. органами НКВД был выявлен ряд случаев антисоветской агитации среди рабочих заводов архангельского промышленного узла. Рабочие распространяли «пораженческие слухи» и агитировали «сложить оружие». Так, на лесозаводе № 16–17 плотник Притчин заявил: «СССР с Германией ничего не сделает! У них техника сильнее нашей. Радио говорит неправду, газетам верить нельзя»⁷⁶. Встречались и откровенные призывы воевать на стороне Германии против «ненавистной советской власти». В основном, высказывания рабочих и служащих касались слабости Красной армии и советского командования: «Те-

⁷² Андреева А.В. Деятельность Архангельского медицинского института в годы великой отечественной войны // Исторический опыт медицины в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Материалы VII Всероссийской конференции с международным участием. (Москва. 12 мая 2011 года). – Москва: МГМСУ, 2011. – С. 11–12.

⁷³ Смирнов В.И. Город Архангельск в начале 1930-х гг. (Из записок ссыльного краеведа). – Архангельск, 2012. – С. 16–17. – URL: www.doykov.1mcg.ru (дата обращения: 14.11.2014).

⁷⁴ ОДСПИ ГААО. – Ф. 834. – Оп. 2. – Д. 70. – Л. 87.

⁷⁵ РГАСПИ. – Ф. 644. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 169–171.

⁷⁶ ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 889. – Л. 23.

перь надо прямо сказать, что наши руководители занимались только болтовней, а не делом, уверяя всех, что наша армия сильно вооружена и непобедима»⁷⁷ (служащий треста «Северолес» по поводу сводки информбюро об оставлении городов Николаев и Кривой Рог). Даже те, кто верил советской власти, видели несоответствие между пропагандой и реальным положением дел: «Говорили, что воевать будем только на чужой территории, а на деле сдают город за городом» (красноармеец, охранявший Госбанк)⁷⁸. Тогда же были обнаружены листовки с призывом свержения советской власти и расправы над коммунистами⁷⁹.

Особый характер милитаризации города придавало то обстоятельство, что с 31 августа 1941 г. в город начали приходить союзные конвои со стратегическими грузами и особым контингентом – иностранными моряками. Отчасти, это привело к усилению бдительности и контроля со стороны органов НКВД, укреплению дисциплины и порядка, т. к. Архангельск и архангельский порт были под постоянным контролем самого И.В. Сталина⁸⁰.

Нахождение в городе иностранцев в связи с прибытием союзных конвоев имело особое значение в распространении антисоветских взглядов среди населения. Данный факт обратил на себя внимание руководства обкома ВКП(б) и сотрудников НКВД. Так, в связи с установлением через Архангельский торговый порт торговых отношений с Великобританией, в Архангельск для постоянной работы прибыли 238 англичан. В распоряжении сотрудников НКВД появилась информация об интересе со стороны граждан Великобритании к продовольственному и промышленному снабжению населения города, развитию промышленности и транспорта, а также морально-политическим настроениям граждан. В беседах с горожанами иностранцы восхваляли жизнь в демократических странах и находили много общего в политических режимах и организации жизни в нацистской Германии и СССР. Так, два британских офицера в присутствии советских граждан заявили: «В Англии существует мнение о том, что режим в Германии и СССР одинаково деспотичен»⁸¹. Британские офицеры нередко устраивали чтение иностранной литературы, книг и журналов «антисоветского содержания» на квартирах горожан. Посещая квартиры горожан, англичане оставляли им разные вещи – одеяла, поношенную одежду и обувь, продукты питания, что также не ускользало от внимания органов НКВД. Британские матросы не гнушались продавать по спекулятивным ценам сигареты, папиросы, шоколад, главным образом, через школьников. Иностранцы фотографировали очереди у магазинов, детей, дерущихся за брошенный кусок шокола-

⁷⁷ ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 889. – Л. 28.

⁷⁸ Там же. – Л. 25.

⁷⁹ Там же. – Л. 28.

⁸⁰ Архангельский порт в первый год войны упоминался почти в каждом десятом постановлении ГКО. См.: РГАСПИ. – Ф. 644. – Оп. 2. – Д. 1–355.

⁸¹ ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 1136. – Л. 8–9.

да или пачку папирос. К февралю 1942 г. было зафиксировано 160 «связей» англичан с советскими гражданами за период нахождения англичан в Архангельске. Большинство лиц, замеченных в связях с иностранцами, состояли на учете в НКВД как подозреваемые в шпионаже⁸².

Одновременно, некоторые действия работников различных предприятий Архангельска, еще недавно считавшиеся оплошностями, были переведены в разряд диверсий⁸³. Поиск виновных в ситуации дезорганизованности первых недель войны осуществлялся незамедлительно. Решением обкома ВКП(б) от 1 июля 1941 г. председатель Октябрьского райисполкома Сладков был снят с работы, исключен из партии и предан суду военного трибунала за «невыполнение мобилизационного плана», а также «плана поставки автотранспорта». Из 109 автомобилей на 1 июля 1941 г. он поставил лишь 59. Кроме того, Сладков не выполнил решение военного совета о строительстве бомбоубежищ, ремонте дорог, развертывании эвакогоспиталей. Одновременно «за необеспеченность контроля и снижение требовательности, а также непринятие мер к своевременной поставке автотранспорта» был привлечен к ответственности и военный комиссар Октябрьского района⁸⁴.

Пораженческие взгляды и высказывания резко пресекались правоохранительными органами. Стражи порядка и добровольцы боролись с паникерами и теми, кто стремился делать запасы продовольствия. Для этого уже 25 июня 1941 г. из состава Октябрьского РК ВКП(б) было выделено 27 человек в помощь органам милиции по борьбе со скупкой промышленных товаров и продуктов⁸⁵. Строжайшим образом население должно было соблюдать общественный порядок: любой случай, выбивающийся из привычной жизни, становился объектом внимания НКВД; любой гражданин, не имеющий документов и прописки, подвергался аресту. Информационные сводки в горком сообщают о следующих случаях:

29 июня на лесозаводе № 23 работниками ПСО был обнаружен под мостом гр-н Петров, не имеющий места постоянного жительства: арестован. На лесозаводе № 23 задержана г-ка Апраксина как не имеющая места постоянного жительства. Установлено, что она приехала из БССР: арестована, т. к. ее паспорт и комсомольский билет были поддельные. На лесозаводе № 23 задержан Иконников В.А., оказавшийся де-

⁸² ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 1136. – Л. 10–11.

⁸³ В качестве диверсии работниками НКВД были квалифицированы следующие события: 11 октября 1941 г. на нефтебазе № 2 в резервуар № 9, где хранился бензин Государственного резерва 900 тонн и спецстроительства 500 тонн, было влито 11 т мазута, в результате бензин приведен в негодное для применения состояние. Факт порчи бензина руководством нефтебазы длительное время скрывался. Директора нефтебазы сняли с работы и предали суду, парторгу нефтебазы объявили выговор с занесением в учетную краточку. (ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 921. – Л. 58).

⁸⁴ ОДСПИ ГААО. – Ф. 834. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 27.

⁸⁵ ОДСПИ ГААО. – Ф. 834. – Оп. 2. – Д. 70. – Л. 63.

зертиром – он подделал увольнительную записку и другие документы. На лесозаводе № 22 задержан гражданин, не имеющий постоянного места жительства⁸⁶.

Аналогичные упоминания встречаем в дневнике Ф.Н. Паршинского. Запись от 16 ноября 1941 г.: «Какого-то кочегара парохода «Софья Перовская» Чемерова В.Н. расстреляли за прогулы и симуляцию болезни»⁸⁷.

14 ноября на собрании партийного актива начальник областного управления НКВД П.М. Мальков заявил о том, что «контрреволюционная агитация приобретает не единичный, а массовый характер, чудовищные формы и размеры», в связи с чем требовалось усиление работы органов НКВД и милиции⁸⁸.

Особой чертой общественных настроений военного времени являлась атмосфера всеобщего страха. Детский врач М.В. Пиккель, профессор медицины, доктор медицинских наук, зав. кафедрой педиатрии Архангельского медицинского института, одна из создателей Областной детской клинической больницы, так вспоминала это время:

...военные годы были страшными не только потерями родных и близких на фронтах, смертями тысяч и тысяч мирных людей от истощения и болезней в тылу, но, что было самым ужасным, всеобщая подозрительность, уничтожение собственного народа всесильной и жестокой машиной НКВД⁸⁹.

Система тотального страха сопровождалась тотальным доношением. Привычная, сознательно подогреваемая властью подозрительность советских граждан была многократно усилена за счет поиска и выявления бесконечного числа «шпионов» и «диверсантов», существенная часть которых являлась обыкновенными «болтунами» и не представляла серьезной угрозы. Все это усугубляло и без того трудное положение населения в годы Великой Отечественной войны.

Большую проблему представляли материально-бытовые условия жизни населения города в период Второй мировой войны. Острая нехватка продовольственных ресурсов наблюдалась с 1939 г. В.И. Смирнов сообщал в одном из писем к брату от 2 июня 1939 г.:

Недавно, проходя мимо очереди за рыбой в 4000 человек, я обратил внимание на то, что, по крайней мере, в очереди стоит 30–40 % в возрасте учащихся⁹⁰.

⁸⁶ ОДСПИ ГААО. – Ф. 834. – Оп. 2. – Д. 70. – Л. 88.

⁸⁷ Дневник жителя г. Архангельска Ф.Н. Паршинского. 21 июня 1941 г. – 2 января 1942 г. – С. 73.

⁸⁸ ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 921. – Л. 42–43.

⁸⁹ Воспоминания М.В. Пиккель (Рукопись из личного архива Т.Н. Ивановой). – Архангельск, 2005. – С. 95.

⁹⁰ Смирнов В.И. Город Архангельск в начале 1930-х гг. – С. 41.

С началом Великой Отечественной войны ситуация с продовольствием значительно усложнилась. Шок и полную неготовность властей города к войне подчеркивают многочисленные архивные документы и воспоминания респондентов. Горожане по опыту жизни в советских городах с хроническим дефицитом бросились скупать товары первой необходимости. Однако, секретные постановления центральной и местной властей по борьбе с «паникерами и дезорганизаторами» запрещали горожанам создавать запасы продуктов⁹¹. Резко возросли цены практически на все виды товаров.

Война и система карточного снабжения внесли существенные коррективы в состав работников советских предприятий. Если ранее женщина могла оставаться домохозяйкой, то с призывом большинства мужчин на фронт на плечах женщин оказалось бремя полного материального обеспечения семьи. За первые три месяца войны на предприятия города пришли 5,2 тыс. женщин, а за первые полтора года – 13 тыс. Постепенно женский труд в промышленности Архангельска стал преобладающим. Если в сентябре 1941 г. количество женщин, занятых на лесозаводах города, составляло 54 % к общему числу персонала, то в январе 1945 г. – 70 %⁹².

Нормы карточного снабжения не могли обеспечить потребности населения города. Голод подступил к городу осенью 1941 г. Многие горожане так и не смогли сделать запасы продовольствия. К ноябрю 1941 г. исчерпаны были все пищевые ресурсы. К зиме 1941 г. в городе исчезли птицы, собаки и кошки. Одиноким пенсионер Ф.Н. Паршинский записал в своем дневнике 22 ноября 1941 г.: «Сегодня в 12 часов я удавил шпагатом кошечку», от 23 ноября: «Печень, легкие, сердце и почки я обмыл и сложил в кастрюльку малую. Буду варить. И есть»⁹³. Подобные случаи поедания кошек и собак становятся массовыми. В секретных протоколах заседаний обкома ВКП(б) информация о них встречается систематически. В частности, заседание обкома от 2 апреля 1942 г. было полностью посвящено данной проблеме. Упомянувшиеся в следственном деле горожане, которые «били и употребляли в пищу кошек и собак в целях контрреволюционной агитации», были арестованы и привлечены к уголовной ответственности⁹⁴.

Война внесла дополнительные изменения в систему снабжения в пользу военнослужащих всех родов войск и НКВД, в первую очередь командного состава. В не менее привилегированном положении в условиях обострившегося дефицита оказывались работники системы снабжения. Если чиновники из руководства города и области по умолчанию «бронировали» себе из общегородских

⁹¹ ОДСПИ ГААО. – Ф. 834. – Оп. 2. – Д. 70. – Л. 64.

⁹² Супрун М.Н. Архангельск в годы Великой Отечественной войны. – С. 75.

⁹³ Дневник жителя Архангельска Ф.Н. Паршинского 21 июня 1941г. – 2 января 1942 г. – С.111–112.

⁹⁴ ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 1172. – Л. 36.

фондов часть продовольственных ресурсов, то работники системы снабжения становились агентами и дилерами, – все они паразитировали на системе спецснабжения в условиях голода. Данный факт, помимо архивных документов, иллюстрируют воспоминания работника архангельского порта В.П. Корельского:

Те жестокие времена высвечивали человеческую суть ярче рентгена. Кто-то делился подчас даже с чужим человеком последней горбушкой. А кто-то, пользуясь служебным положением, наживал на людском бедствии капитал. Именно эта причина побудила меня по весне расстаться с Архморторгпортом – тамошнее начальство почти открыто занималось подлогами и хищениями⁹⁵.

Возможность легкой наживы привела к тому, что «присвоение себе продовольственных товаров, карточек, отпуск продовольственных товаров по запискам без карточек сверх норм, факты обмеривания, обвешивания и обсчета населения города, незаконная выдача продовольственных карточек» достигли невероятных размеров в военные годы⁹⁶. Особенно эта ситуация усугубляется зимой 1941–1942 гг. Показательным является случай, содержащийся в спецсообщении НКВД секретарю архангельского обкома в феврале 1942 г. «О ликвидации хищнической группы в пекарне № 2 Исакогорского хлебокомбината». На данном объекте длительное время орудовала банда из 12 человек. Работники пекарни систематически «отпускали» хлеб без оформления расходных документов. Для реализации похищенного хлеба «эти лица вошли в преступную связь с работниками столовой № 17, которые через буфетчицу реализовали хлеб, продавая его без карточек». Похищенный хлеб они также направляли в магазин № 79 системы Архторга и ларьки № 234 и 245. В результате документальной ревизии была выявлена недостача хлеба и булочных изделий на общую сумму 21 203 руб., недостача по сырью – 9 237 руб. Народным судом Пролетарского района организаторы группы были осуждены к лишению свободы сроком от 5 до 7 лет с конфискацией имущества. Соответствующую меру наказания получили и другие обвиняемые⁹⁷. Отметим, что за «контрреволюционную агитацию» (беседы с соседями и ведение дневника) пожилой пенсионер Ф.Н. Паршинский получил 10 лет лагерей, откуда не вернулся⁹⁸.

В результате к концу войны сложилась ситуация чудовищного имущественного расслоения. Капитал, который удалось сколотить за годы войны на голоде и бедствии своих же сограждан, предприимчивые участники цепочек подполь-

⁹⁵ *Корельский В.П.* На моем веку: воспоминания, предания рода, размышления [старейшего северного капитана] / литературная обработка М. Попова. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1996. – С. 125.

⁹⁶ ОДСПИ ГААО. – Ф. 834. – Оп. 2. – Д. 264. – Л. 85–86 об.; Д. 265. – Л. 101–107.

⁹⁷ ОДСПИ ГААО. – Ф. 834. – Оп. 2. – Д. 191. – Л. 17.

⁹⁸ Дневник жителя Архангельска Ф.Н. Паршинского. 21 июня 1941г. – 2 января 1942 г. – С. 151.

ного предпринимательства не стремились скрывать: к наживе на чужой беде все давно привыкли. С этой несправедливостью крайне сложно было примириться участникам боевых действий. Александр Иванович Шишкин, воевавший на Карельском фронте, прибыв в мае 1945 г. в город на побывку к отцу, отметил:

...мы не могли ничем помочь. В результате в период войны умерла у меня сестра, мама... У отца я один остался – квартиру отняли. То есть пришел ни к чему... Кто-то ходит (солдаты, запасной 33-й полк) по помойкам, плохо они так жили: отощавшие, ободранные. А некоторые гуляют, пьют и гуляют⁹⁹.

Зимой-весной 1941–1942 гг. больницы Архангельска были переполнены людьми с диагнозами «дистрофия», «авитаминоз», «общее истощение», «белковый отек», «пеллагра», «цинга», «сердечная недостаточность», «атрофия», – в основе всех этих заболеваний недоедание и низкое качество питания. Особенно высока была смертность от цинги. На фоне недоедания, антисанитарии, массовых миграционных процессов и скученности населения получили значительное распространение инфекционные заболевания. В 1941 г. наблюдалось увеличение числа заболеваний брюшным тифом, дизентерией, сыпным тифом и корью, а в 1942 г. возросла заболеваемость брюшным тифом и дизентерией, что объясняется ухудшением санитарного состояния города и его пищевых предприятий. Однако, благодаря работе архангельских медиков, заболевания брюшным тифом после 1942 г. пошли на спад. К концу войны практически исчезла из отчетов дизентерия, резко уменьшилась заболеваемость сыпным тифом (за исключением 1944 г., когда наблюдалась вспышка болезни). Корь к концу войны в Архангельске в показателях практически была сведена к нулю.

Чрезвычайной была ситуация с обеспечением лечебных учреждений топливом и лекарствами. В письме заведующего инфекционной больницей профессора Д.В. Никитина в горком ВКП(б) от 1942 г. отмечено крайне тяжелое положение со снабжением топливом, вследствие чего борьба с заразными болезнями, особенно сыпным тифом, была чрезвычайно трудна. Профессор предсказывал новый взрыв эпидемий сыпного тифа, кишечных инфекций и детских заболеваний (скарлатины и дифтерии). В больнице отсутствовала собственная прачечная, и «белье стиралось в прачечной первой городской больницы, рассчитанной на 800 коек (приходилось обслуживать 3 тыс. коек)»¹⁰⁰. Периодически отключали воду. В клинику больные часто поступали «завшивленные» и обработка их была чрезвычайно затруднена. В палатах было очень холодно, больные дополнительно простужались и получали осложнения в виде воспаления легких. Помимо основной работы, персонал больницы был занят «на рас-

⁹⁹ Интервью автора статьи с А.И. Шишкиным 1921 г.р. проходило по месту жительства информанта 9 ноября 2007 г., 15:45–19:20.

¹⁰⁰ ОДСПИ ГААО. – Ф. 834. – Оп. 2. – Д. 154. – Л. 2–3.

пиловке дров»¹⁰¹. С аналогичными трудностями столкнулись все лечебные заведения города. Физиотерапевтическая лечебница, где одним из основных видов лечения были ванны и грязелечения, фактически не могла применять эти методы лечения из-за отсутствия дров¹⁰². Первая городская больница также не имела дров¹⁰³. Прекратили работу санпропускники и бани¹⁰⁴.

В годы войны в Архангельске резко снизилась рождаемость и возросла смертность. Только за зиму-весну 1941–1942 гг. смертность «перекрывала» рождаемость почти в 3 раза. Максимальное число смертей пришлось на апрель 1942 г. Положительный прирост населения был достигнут только в последний год войны¹⁰⁵. Среди умерших значительное количество приходилось на детей до 1 года. Крайне высоким был процент преждевременных родов. По родильному дому им. Самойловой он постоянно возрастал: с 5,4 %, в 1937 г. до 8,8 % в 1939 г. и 13,1 % в 1941 г. В 1942 г. процент преждевременных родов по городу достиг 22,5 %. Лишь в 1944 г. этот показатель сравнялся с первым годом войны (13,3 %) ¹⁰⁶.

Аналогичную картину представляла статистика мертворождений и детской смертности. Согласно данным таблицы детской смертности по роддому им. Самойловой она составила в 1938–1940 гг. 0,9–1,8 % соответственно, в 1941 г. – 2,2 %, в 1942 г. – 4,2 %, в 1943 г. – 2,8 %, за первую половину 1944 г. – 2 % ¹⁰⁷. Плохое питание, хронический авитаминоз, тяжелые условия труда и быта не могли не отразиться на репродуктивной функции женщин. В 1942 г. было выявлено наибольшее число преждевременных родов в Архангельске. Город по этому показателю вышел на одно из первых мест в СССР¹⁰⁸.

При анализе причин мертворождений за 1943 г. по городу Архангельску, главный гинеколог города Д.Л. Марголис обратила внимание на тот факт, что первое место среди мертворождений занимали не известные разделы акушерской патологии, а проблемы, вызванные влиянием «авитаминоза матери на ломкость сосудов плода», что вызывало, в частности, кровоизлияния в головной и костный мозг плода¹⁰⁹.

Рождаемость и смертность в годы войны, в том числе детская, также находились в прямой зависимости от социальной стратификации советского обще-

¹⁰¹ ОДСПИ ГААО. – Ф. 834. – Оп. 2. – Д. 154. – Л. 4.

¹⁰² Там же. – Л. 5–6.

¹⁰³ Там же. – Л. 13.

¹⁰⁴ Там же. – Л. 10.

¹⁰⁵ ГААО. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 81. – Л. 54–54 об.

¹⁰⁶ Отчет в горком о нарушениях производительной функции женщин во время войны (г. Архангельск, городской акушер Д.Л. Марголис) // ОДСПИ ГААО. – Ф. 834. – Оп. 2. – Д. 571. – Л. 10.

¹⁰⁷ Там же. – Л. 12.

¹⁰⁸ ОДСПИ ГААО. – Ф. 834. – Оп. 2. – Д. 571. – Л. 12.

¹⁰⁹ Там же.

ства и системы снабжения, что нашло отражение в «Отчете о нарушениях производительной функции женщин во время войны»¹¹⁰. Изучая материал родильных отделений Архангельска, главный гинеколог города Д.Л. Марголис обратила внимание на резкое падение рождаемости в заводских районах города в военные годы. Изучив состав родильниц по всем родильным отделениям Архангельска, она сделала вывод, что рожали в военное время, в основном, работники системы питания (столовых, магазинов, пекарен), второе место занимали домохозяйки (жены военнослужащих и партийных работников), третье – вся остальная масса женщин (служащие государственных учреждений, промышленных комбинатов, медицинские работники). Женщины-работницы заводов занимали весьма скромное место среди контингента родильных отделений¹¹¹. Комиссия из ведущих врачей города, проводившая обследование женщин рабочих окраин, заключила, что 82 % из них страдали аменореей, которая приводила к раннему старению, препятствовала, а в запущенной стадии исключала возможность появления потомства. В основном это заболевание встречалось у женщин, работавших на лесозаводах и аналогичных им производствах. Практически не болели аменореей работницы системы питания, домохозяйки и конторские служащие¹¹². Врачи пришли к выводу, что именно низкое качество питания, тяжелейшие условия труда и быта, отсутствие элементарных удобств пагубно отразились на производительной функции женщины и привели к таким последствиям, как массовое бесплодие, значительное количество мертворождений, физическая слабость новорожденных и матерей¹¹³.

Помимо голода и холода, нищеты и тяжелейших условий быта, ситуацию с детской заболеваемостью и смертностью осложнял тот факт, что в Архангельске отсутствовала детская больница для неинфекционных больных, не было детского хирургического отделения, поэтому «дети с хирургическими заболеваниями могли быть госпитализированы только совместно со взрослыми – в отделениях, где не было условий для обслуживания детей», в районах города не хватало или не было вовсе коек для терапевтических больных детей. Здание детской клиники пришло в аварийное состояние. Открытие в конце войны стационара для детей-гипотрофиков и туберкулезных детей не могло скольконибудь восполнить недостаток мест для больных детей¹¹⁴.

Заключение

Таким образом, с началом Второй мировой войны в Архангельске начался процесс централизации в системе управления, сопровождавшийся милитариза-

¹¹⁰ ОДСПИ ГААО. – Ф. 834. – Оп. 2. – Д. 571. – Л. 12.

¹¹¹ Там же. – Л. 9.

¹¹² ОДСПИ ГААО. – Ф. 834. – Оп. 2. – Д. 571. – Л. 10.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ ОДСПИ ГААО. – Ф. 834. – Оп. 2. – Д. 571. – Л. 12.

цией всех сфер жизни общества с целью мобилизации ресурсов для фронта. С вторжением германских войск на территорию СССР мобилизация ресурсов приобрела тотальный характер и осуществлялась в основном за счет внутренних источников. Ухудшение материально-бытового положения населения страны, в частности, архангелогородцев, проявилось еще в 1939 г., но стало критическим с началом Великой Отечественной войны. Несмотря на важнейшую роль Архангельска как ключевого на Европейском Севере стратегического пункта и транспортного узла, осуществлявшего поставки вооружения, медикаментов и продовольствия на фронт, население города в годы войны было вынуждено вести жесточайшую борьбу за выживание.

В целом в 1939–1940 гг. в связи с началом военных действий фактически произошел переход к экстренным методам контракции рабочей силы, которые уже использовались государством в период 1929–1930 гг. Дефицит кадров, в целом характерный для советской системы, многократно усилился. В промышленности, при реконструкции порта, на строительстве оборонных укреплений и сооружений широко применялся труд спецконтингента, а также проводились трудовые мобилизации работающего и неработающего населения города. В годы Великой Отечественной войны была развернута кампания по привлечению женщин и подростков на производство, чему способствовала карточная система снабжения. Дефицит ресурсов и их неравномерное распределение, усиление стратификации, проблемы организации системы управления военного времени привели к многочисленным сбоям в системе снабжения городского населения.

Двенадцатичасовой рабочий день и система закрепления рабочих за предприятиями, наряду с карточной системой и крайним дефицитом ресурсов, постепенно истощали силы горожан. Массированные бомбардировки, в ходе которых исключительно силами местного населения город удалось отстоять как порт международного значения, все годы войны поставлявший важнейшие стратегические грузы на фронт, значительно усложняли условия жизни военного времени. Дефицит продовольствия, разрушение коммунальной системы города, массовые миграционные процессы создали условия для распространения инфекционных заболеваний. Ценой невероятных усилий медики города остановили начавшиеся эпидемии. Существенный подрыв здоровья населения выразился в высокой заболеваемости и смертности в связи с голодом и отсутствием элементарных коммунальных удобств. Помимо фронтовых потерь (из призванных 67 тыс. человек погибло 23 052), от голода и болезней по официальной статистике органов ЗАГС за 1941–1944 гг. умерло 38 тыс. человек гражданского населения города¹¹⁵.

¹¹⁵ *Супрун М.Н.* Архангельск военный, 1941–1945 гг. // *Война и блокада: сборник памяти В.М. Ковальчука / ответственный редактор А.Н. Чистиков.* – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. – С. 247–259.

For a long time, urban everyday life of wartime was not a special subject of historical research in Russian historiography. Soviet historians studied mainly such problems as the role of urban industry and the strategic importance of Soviet cities during the war. Researchers began to study the strategic importance of Arkhangelsk, the activities of the transport fleet and port during the Great Patriotic War in Soviet times.¹

The “anthropological turn” in European, American, and then Russian history led to the fact that the emphasis in studying the events of war has shifted from the global economic and political structures to the life of an ordinary person with his private world, worldview, problems and needs. This gave an incentive to the development of new anthropologically oriented trends in Russian historical science, and above all, military-historical anthropology² and history of everyday life. The problems of urban everyday life during the Second World War in Russia are most fully studied on the materials of the Siege of Leningrad.³ Today, urban everyday life of wartime is one of the most popular topics in the problem field of the modern scientific community in Russia and in the world.⁴

¹ S.F. Edlinskii, *Northern Transport Fleet in the Great Patriotic War, 1941–1945* [In Russian] (Moscow: Morskoi transport, 1963); M.I. Belov, *The History of the Discovery and Development of the Northern Sea Route*, vol. 4 of *Scientific and Economic Development of the Soviet North, 1933–1945* (Leningrad: Morskoi transport, 1969); M.N. Suprun, *Arkhangelsk during the Great Patriotic War, 1941–1945* (PhD diss. Leningrad Branch of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences, 1983).

² E.S. Senyavskaya, *Psychology of War in the 20th Century: Historical Experience of Russia* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 1999).

³ S.V. Yarov, *Everyday Life of Besieged Leningrad* [in Russian] (Moscow: Molodaya gvardiya, 2013); S.V. Yarov, *Blockade Ethics. Notions of Morality in Leningrad in 1941–1942* [in Russian] (Moscow: Tsentrpoligraf, 2012); V.M. Koval'chuk, A.I. Rupasov, and A.N. Chistikov, “Leningrad Residents during the Great Patriotic War: Adaptation Practices” [in Russian], in *Adaptation of Peoples and Cultures to Changes in the Environment and to Social and Technological Transformations*, ed. A.P. Derevyanko, A.B. Kudelin, V.A. Tishkov (Moscow: ROSSPEN, 2010), 380–87; N.A. Lomagin, *In the Grip of Hunger. The Siege of Leningrad in the Documents of German Special Services, NKVD, and letters of Leningrad Residents* [in Russian] (St Petersburg: Avra-dizain, 2014).

⁴ L. Dodd and D. Lees. *Vichy France and Everyday Life: Confronting the Challenges of Wartime, 1939–1945* (London: Bloomsbury Academic, 2018); L. Dodd, *French Children under the Allied Bombs, 1940–45: An Oral History* (Manchester: Manchester University Press, 2016); S.H. Yamashita, *Daily Life in Wartime Japan, 1940–1945* (Kansas: University Press of Kansas, 2017); E. Khatanzeiskaya, “Everyday Life in Wartime Arkhangelsk: The Problem of Starvation

This article is written within the framework of military-historical anthropology, history of everyday life and the history of mentality, which shift the focus of the study from global macroeconomic and political structures to the life of an “ordinary person,” i.e. unremarkable from the point of view authorities. Since the study is devoted to the history of everyday life in a military city, in addition to archival documents, its source base includes the sources of personal origin: memoirs, letters, reminiscences, diaries, and also interviews recorded by the author.

The outbreak of the Second World War with subsequent military operations in Karelia, Finland and Norway determined the place of Arkhangelsk as a port city in the near rear of the Northwestern Front. This circumstance was accompanied by an increase in the centralization of power and the redistribution of resources in favour of militarization, which could not but affect the lives of Arkhangelsk residents. In 1939, the requirements for entering the city were tightened. The proximity of the front supposed mobilization of all resources for military needs, and human resources in the first place. With the outbreak of the Soviet-Finnish War (the Winter War), Arkhangelsk residents manned the 88th Rifle Division, the 9th Ski Battalion of the 9th Army, and the 41st and 43rd Ski Battalions of the 14th Army of the Leningrad Military District. Soon the residents of the city and the region really felt the tragic consequences of the war: families of 15 thousand people from among the mobilized received “killed in action” or “missed in action” notices.⁵

Simultaneously with mobilization, the population, port facilities, the most important institutions and enterprises were evacuated to Arkhangelsk from the frontline zone, mainly from the Karelian ASSR and Murmansk Oblast. The Arctic Shipping Company⁶ was evacuated from Murmansk to Arkhangelsk in full force. Upon bringing Soviet troops into Poland, 42 thousand Polish citizens from among osadniks, “foresters” and refugees (8,084 families) had arrived in Arkhangelsk Oblast as special settlers by March 1940.⁷ Some of them, mainly specialists from among Jewish

and Death during Second World War (1939–1945),” *Septentrio Conference Series*, no 4 (2015): Living the War, part 2, <https://doi.org/10.7557/5.3630>; M.N. Suprun, “Military Arkhangelsk, 1941–1945” [in Russian], in *War and Blockade: A Collection in Memory of V.M. Koval'chuk*, ed. A.N. Chistikov (St. Petersburg: Nestor–Istoriya, 2016), 247–59; M. Suprun, “Strength and Weakness of the Totalitarianism in Wartime Soviet Union,” *Septentrio Conference Series*, no 4 (2015): Living the War, part 2, <https://doi.org/10.7557/5.3632>.

⁵ The data of the Poisk organization, see *Zimnyaya voina. Bevozvratnye poteri Krasnoi Armii v period Sovetsko-finlyandskoi voiny 1939–1940 gg.*, accessed April 2, 2016, <http://winterwar.karelia.ru/site/parts/division/>.

⁶ Suprun, *Arkhangelsk during the Great Patriotic War*, 5.

⁷ “Dokladnaya zapiska obkoma VKP(b) v Upravlenie NKVD po Arkhangel'skoi oblasti o chislennosti spetsposel'kov i spetskontingenta v Arkhangel'skoi oblasti na mart 1940 g.” [Report of the regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks to the regional department of the NKVD in Arkhangelsk Oblast on the number of special settlements and special contingent in Arkhangelsk Oblast as of March 1940]. F. 296, op. 1, d. 661, l. 29. Otdel dokumentov sot-

refugees, were sent to work in Arkhangelsk.⁸ In total, 58 thousand Polish citizens were deported to Arkhangelsk Oblast.⁹ Almost simultaneously with that trains with special settlers from Baltics and Moldova began to arrive in the northern backwoods.

The experience of the Winter War revealed the great strategic importance of Arkhangelsk. It is no coincidence that on March 26, 1940, only two weeks after the signing of the Soviet-Finnish Peace Treaty, the USSR People's Commissar of Defense declared the city the centre of the Arkhangelsk Military District which included the territory of Arkhangelsk Oblast, Vologda Oblast and Komi ASSR.¹⁰ Representatives of the highest military command, headquarters and construction units of the army and the navy, not less than 5 thousand people in total, began to arrive in Arkhangelsk.¹¹ They were given the best buildings, including houses and apartments of the urban housing stock.¹² Along with the increase in the number of troops, militarization of the city's life began to manifest itself in almost all areas: in politics, economy, and culture.

The escalation of military operations in Europe and especially the rapid occupation of Norway in the spring of 1940 intensified the atmosphere of imminent war. The series of exercises conducted in the summer of 1940 ("Defense of the White Sea when the enemy forces try to break through to the ports,"¹³ "Active defense of fisheries in Soviet waters"¹⁴ and "Defense of the Kola Bay when the enemy tries to break through"¹⁵) created even more tension. Therefore, in their decisions, the city party and Soviet bodies primarily focused on strengthening the defensive capacity of the city, the region and the country. Military departments were established in the city¹⁶

sial'no-politicheskoi istorii Gosudarstvennogo arkhiva Arkhangel'skoi oblasti [Department of Documents of Social and Political History of the State Archive of Arkhangelsk Oblast] (ODSPI GAAO), Arkhangelsk, Russia.

⁸ A.E. Gur'yanov, "Polish Special Settlers in Arkhangelsk Oblast, Kirov Oblast and Komi ASSR in 1940–1941" [in Russian], in *Penal Servitude and Exile in the North of Russia: A Collection of Articles*, ed. M.N. Suprun (St Petersburg; Arkhangelsk: [n.p.], 2004), 139–40.

⁹ T.E. Vasil'chenko, *Polish Citizens in the European North of the USSR: from Deportation to Amnesty and Repatriation (1939–1946): A Monograph* [in Russian], ed. M.N. Suprun (Arkhangelsk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet, 2010), 30–31.

¹⁰ M.I. Mel'tyukhov, "The Red Army before the War: Organization and Personnel" [in Russian], *Militera.lib.ru*, accessed August 8, 2016, <http://militera.lib.ru/research/meltyukhov/09.html>.

¹¹ Calculated by F. 32, op. 1, d. 81, l. 54 ob, Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti [State Archive of Arkhangelsk Oblast] (GAAO), Arkhangelsk, Russia; F. A-374, op. 23, d. 443, l. 61. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF), Moscow, Russia.

¹² F. 296, op. 1, d. 538, l. 91. ODSPI GAAO.

¹³ F. 475, op. 2, d. 258, ll. 7–9. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Socio-Political History] (RGASPI), Moscow, Russia.

¹⁴ F. 475, op. 2, d. 259, ll. 9–10. RGASPI.

¹⁵ F. 475, op. 2, d. 315, ll. 11–15. RGASPI.

¹⁶ F. 834, op. 1, d. 933, ll. 1–3. ODSPI GAAO.

and regional¹⁷ committees of the party. After the dismissal of the regional prosecutor and a number of his colleagues who did not provide proper control over the implementation of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 26, 1940 “On the transition to an eight-hour working day, to a seven-day working week and on the prohibition of unauthorized departure of workers and employees from enterprises and institutions,” the regional Committee formed the “judicial and prosecutor’s sector” and the “NKVD sector” to strengthen party supervision.¹⁸ Because of the panic buying of essential commodities and food products, on the outbreak of World War II a “trade and cooperation sector” was established at the personnel department of the oblast party committee.¹⁹

In general, the number of personnel in the administration of the city and the oblast significantly increased. In January 1940, 2,819 positions²⁰ were additionally included in the accounting and distribution nomenclature of the regional committee of the VKP(b), of which 234 positions were those of the NKVD employees.²¹ During the war, the work of public organizations focused on defense work intensified. The most massive among them were the units of the Society for the Promotion of Aviation and Chemical Construction (Osoaviakhim) and the Society of the Red Cross and Red Crescent (ROKK). Even before the war, in 1935, a training program to be completed in order to be awarded the badge “Ready for PVKhO” (“Ready for air defense and chemical defense”) was developed. With the outbreak of World War II, work on preparing the population for air defense and military sanitary defense intensified.²²

A nominal all-Union system of local air defense (MPVO) existed since 1932. In Arkhangelsk, the formation of an air defense system did not really begin until July 1939, when the city headquarters of the air defense was formed, and systematic work began on creating self-defense groups and training the population to act in emergency situations. After October 7, 1940, when the MPVO was included in the NKVD system, the service received a special status.²³ The city was divided into 7 districts and district groups were formed in each of the districts, facility teams were established at enterprises, and self-defense groups were formed at house administrations. District

¹⁷ F. 296, op. 1, d. 638, ll. 1–3. ODSPI GAAO.

¹⁸ F. 296, op. 1, d. 707, l. 127. ODSPI GAAO.

¹⁹ F. 296, op. 1, d. 811, ll. 1–3. ODSPI GAAO.

²⁰ F. 296, op. 1, d. 585, l. 5. ODSPI GAAO.

²¹ *Ibid.*, l. 85. ODSPI GAAO.

²² While in the middle of 1939 there were 1,654 members of Osoaviakhim and 632 members of ROKK in the city, by the end of the year their number increased by a quarter. Calculated by F. 296, op. 1, d. 585, l. 85. ODSPI GAAO.

²³ F. 296, op. 1, d. 530, ll. 26–27. ODSPI GAAO.

teams and self-defense groups reported to the head of the police department.²⁴ In February 1940, the first exercise was held to completely black out the city.²⁵

One of the most serious problems in the context of mobilization was the problem of personnel. In 1939–40 a series of legislative acts to strengthen labour discipline were issued. The key one was the aforementioned Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 26, 1940, which established criminal liability for delays and absenteeism, as well as for unauthorized departure from work. Being more than 20 minutes late was equated to absenteeism. The prohibition of voluntary redundancy actually assigned workers to the enterprises.²⁶ Employment record books, introduced in 1939, made it possible to control the movement of workers.²⁷

In addition to the Decree of June 26, 1940, on July 3, 1940 the Council of People's Commissars of the USSR adopted a resolution "On raising production standards and lowering prices in connection with the transition to a seven-day working week for workers and employees who had an eight-hour working day,"²⁸ according to which the daily tariff rates were maintained and production rates were increased, and piecework rates were reduced in proportion to the increase in the working hours.²⁹ As a result, working hours at the country's enterprises increased by 30–33 hours per month, i.e. by 15–20 %, while the previous payment rate was reduced. Thus, these Decree and Resolution formally allowed the release up to 15% of working youth of recruitment age. In addition to these documents, on July 10, 1940 the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR introduced severe punishment (up to 8 years in prison) for the manufacture of low-quality products.³⁰ A month later, on August 10, 1940, the Presidium of the Supreme Council established a sentence of imprisonment of up to one year for "petty theft" or hooligan acts committed at an enterprise.³¹

²⁴ Suprun, *Arkhangelsk during the Great Patriotic War*, 25.

²⁵ F. 296, op. 1, d. 638, l. 86. ODSPI GAAO.

²⁶ Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On the transition to an 8-hour working day and 7-day working week" [in Russian], *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*, no. 20, June 26, 1940.

²⁷ Employment record books were introduced by the decree of the SNK of the USSR of December 20, 1938.

²⁸ F. 296, op. 1, d. 659, l. 91. ODSPI GAAO.

²⁹ Decree of the Council of People's Commissars of the USSR "On raising production standards and lowering prices in connection with the transition to an 8-hour working day" [in Russian], *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*, no.20, June 26, 1940.

³⁰ Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of July 10, 1940 "On responsibility for the production of defective or incomplete products and for non-compliance with mandatory standards by industrial enterprises" [in Russian], *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*, no. 23, July 10, 1940.

³¹ Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of August 10, 1940 "On criminal liability for petty theft at work and for hooliganism" [in Russian], *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*, no. 28, August 10, 1940.

Simultaneously with the implementation of these decisions, the city committee and the regional committee of the VKP(b) resorted to labour mobilization to the “breakthrough” areas of work. In connection with the reconstruction of the Arkhangelsk port which started in the summer of 1940, in addition to new groups of special contingent, 800 mobilized workers from Mordovia and Chuvashia arrived in Arkhangelsk and 200 more workers of the Arkhangelsk enterprises were removed from their jobs and placed at the disposal of the port superintendent.³²

Under the conditions of the Soviet-Finnish War of 1939–40, because of the departure of skilled workers to the front, an important role was to be played by schools of factory training and vocational schools intended for young people of pre-recruitment age. While “individual and team” training in certain professions required years to train, young people could be trained in the schools of labour reserves in a few months, which was extremely important under the conditions of war. The decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of October 2, 1940 on establishment of schools of factory training (FZO) and vocational schools (RU) where 14–16-year-old youths were recruited on special orders and assigned to training centres,³³ was intended for the rapid replacement of workers who had been conscripted to the army. Despite their age, teenagers were subjected to imprisonment in a colony for up to 1 year³⁴ for violation of discipline and unauthorized departure from schools.

In 1939, the largest shipbuilding plant No. 402 in the city of Molotovsk³⁵ (present-day Severodvinsk) began its production activities. In connection with the increase in cargo turnover of the Arkhangelsk transport hub, the transfer of military cargo and military contingents, the foundation of the Belomorskaya naval base, which was transferred to Arkhangelsk in August 1940, the reconstruction of the Arkhangelsk railway junction and port began.³⁶

The participation of the Soviet Union in military campaigns on the western borders in 1939–41 and military preparations connected with them were a kind of prelude, a rehearsal of the impending Great War. People expected the war and prepared for it. But no one expected such a rapid advance of the German troops inland after its outbreak on June 22, 1941. On September 8, Wehrmacht troops blocked Leningrad.

³² F. 296, op. 1, d. 707, ll. 1, 53–55; d. 659, l. 42. ODSPI GAAO.

³³ Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of October 2, 1940 “On the state labour reserves of the USSR” [in Russian], *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*, no. 37, October 2, 1940.

³⁴ Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of December 28, 1940 “On the responsibility of students of vocational, railway schools and schools of factory training for violation of discipline and for unauthorized departure from school” [in Russian], *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*, no. 1, 1941; *The Criminal Code of the RSFSR* [in Russian] (Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury, 1950), 164.

³⁵ F. 17, op. 3, d. 1026, l. 157. RGASPI.

³⁶ F. 17, op. 3, d. 1027, l. 56. RGASPI.

At the beginning of September, the Kiev group of Soviet troops was blocked, and Smolensk was seized. The Wehrmacht started preparations for a decisive advance to Moscow. In order to avoid a catastrophe, the German “blitzkrieg” could only be countered with the total mobilization of all Soviet resources in the shortest possible time. Under the total mobilization begins to rebuild the entire state structure in the centre of the country and in the regions.

On June 30, 1941, the State Defense Committee (GKO) was formed. Similar bodies, endowed with emergency powers, were established in the western regions. On October 15, 1941, immediately after the signing of the First (Moscow) Protocol on lend-lease assistance to the USSR, due to the special role of Arkhangelsk in the acceptance of strategic cargo from the allies, the headquarters of I. Papanin, who was appointed by I. Stalin the GKO Commissioner for transportation in the North, was established in Arkhangelsk.³⁷ After the beginning of massive bombardment of the city, on September 13, 1942, a local emergency body was formed and headed by the first secretary of the oblast committee of the VKP(b) G. Ogorodnikov. It was the City Defense Committee (Goko), which included the chairman of the oblast executive committee, the heads of the garrison and of the oblast NKVD administration.³⁸

The building of Arkhangelsk the Main Post Office. Summer of 1941.

Source: State Archive of Arkhangelsk Oblast

³⁷ V.A. Butko et al., comps., *Arkhangelsk Oblast during the Great Patriotic War, 1941–1945: A Collection of Documents* [in Russian] (Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975), 38.

³⁸ M.N. Suprun, *Lend-Lease and Northern Convoys, 1941–1945* [in Russian] (Moscow: Andreevskii flag, 1997), 45–46.

Solving primarily defense tasks, the Goko built the whole “pyramid of authority” for itself. In the city committee of the VKP(b), special departments, committees and commissions were additionally formed. In September 1941, a committee to help the wounded was formed at the city committee, and later, a commission for the selection of persons liable for military service. In November 1941, political departments were formed in transport and agriculture to take control of the work of enterprises.³⁹

The position of the front-line city required the maintenance of the strictest military order in Arkhangelsk. On June 24, 1941, in compliance with the Decrees of the Presidium of the Supreme Council of June 22 “On Martial Law”⁴⁰ and “On the Declaration of Martial Law in Certain Areas of the USSR,”⁴¹ the Military Council of the Arkhangelsk Military District issued an order “On Ensuring Public Order and defense measures in Arkhangelsk and Vologda oblasts,” according to which martial law was declared in the city of Arkhangelsk and in Arkhangelsk Oblast.⁴² This meant the introduction of “curfew” in Arkhangelsk. To control the order of movement, a system of commandant’s offices was organized. Policing involved volunteers, of whom voluntary police brigades (brigadmily) were formed.⁴³ Along with the strengthening of patrol service by the military and police authorities, compulsory night duty of residents near their houses was organized in the city.⁴⁴ A resident of Arkhangelsk, an unemployed single pensioner Filadel’f Parshinskii wrote about this in his diary on June 25, 1941:

Yesterday, Pedagogical Institute moved to ALTI (Arkhangelsk Forestry Institute – *Editor*). Today, the post office was evacuated. The library and the canteen are still functioning. Today all traffic in the city is prohibited from 24 hours to 4 hours 30 minutes.⁴⁵

As dark periods of day became longer, in August 18, 1941 a thorough blackout in residential quarters and at industrial transport facilities was introduced.⁴⁶ According

³⁹ K.K. Kostrov, comp., *Northerners to the Victory. Memoirs of Veterans of the Great Patriotic War: A Collection* [in Russian] (Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1980), 114.

⁴⁰ Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 22, 1941 “On Martial Law” [in Russian], *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*, no.29, June 22, 1941.

⁴¹ Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 22, 1941 “On the Declaration of Martial Law in Certain Areas of the USSR” [in Russian], *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*, no.29, June 22, 1941.

⁴² F. 296, op. 1, d. 908, l. 103. ODSPI GAAO.

⁴³ *Ibid.*, l. 103. ODSPI GAAO.

⁴⁴ *Pravda Severa*, June 27, 1941.

⁴⁵ F.N. Parshinskii, “The Diary of a Resident of Arkhangelsk F.N. Parshinskii. June 21, 1941 – January 2, 1942” [in Russian], in *The War. The Days Described, 1941–1942: Diaries and Documents*, comps. V.N. Il'in, V.A. Radishevskaya, and T.V. Titov (Arkhangelsk: Pravda Severa, 2005), 18.

⁴⁶ F. 1936, op. 9, d. 1636, l. 32. GAAO.

to the Decree of the Supreme Council “On Martial Law” and due to the lack of financial and material and technical resources, the country’s leadership resorted to involving the population in unpaid labour and carting service.⁴⁷ If citizens failed to comply with local government decrees on labour service, they were punished by a fine of up to 3 thousand roubles or by deprivation of liberty for up to 6 months.⁴⁸ On July 1, the Arkhangelsk residents were sent to build and repair a road to the port of Ekonomiya and to create airfields in Bakaritsa and Yagodnik Island.⁴⁹ Hundreds of city residents worked at the construction of the “road of life of the North” Soroka (Belomorsk) – Obozerskaya and erected defensive fortifications on the approaches to Moscow.⁵⁰ In accordance with the GKO decree of August 22, 1941, 30,500 northerners were sent to build defensive structures at the Northern (since August 23, Karelian) Front.⁵¹ In November 1941, another 20 thousand northerners, mostly young women, left for the construction of a fortification line from Vytegra to Poshekhon'e.⁵²

Citizens are digging shelters to protect themselves from attacks by enemy aircraft. Summer of 1941.
Source: State Archive of Arkhangelsk Oblast

An extremely important component in strengthening the defense of the city was the local air defense system (MPVO). The unpreparedness of the city to repel attacks

⁴⁷ Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 22, 1941 “On martial law”.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ F. 296, op. 1, d. 919, l. 72. ODSPI GAAO.

⁵⁰ Suprun, *Arkhangelsk during the Great Patriotic War*, 63.

⁵¹ F. 296, op. 1, d. 911, l. 15. ODSPI GAAO. On August 23, 1941 the Northern Front was divided into the Karelian Front and the Leningrad Front.

⁵² F. 296, op. 1, d. 921, l. 5. ODSPI GAAO.

from the air was revealed by the first air-raid alarm on June 29, 1941.⁵³ It was on June 29, 1941 that the GKO decree “On Military Training of the Population” was adopted, which ordered to form and train reserve air defense units and self-defense groups to provide collective air defense and chemical defense measures. By order of the head of Arkhangelsk MPVO, all medical, fire-fighting, surveillance, and emergency rescue teams which had been organized before the war were put on full combat readiness on June 26.⁵⁴ On July 12, 1941 the bureau of the Arkhangelsk city committee of the VKP(b) made a decision to organize MPVO in the residential sector. A self-defense firefighting group was organized in each quarter. The numerical composition of the units of self-defense groups was approved by the model staff list of the MPVO of the NKVD of the USSR⁵⁵. It was the MPVO self-defense groups that played a decisive role in saving the city, which consisted of 90 % wooden buildings, and its population. By the summer of 1942, by the beginning of the massive bombing of Arkhangelsk, more than 150 thousand inhabitants had been trained according to the “Ready for PVKhO” standards.⁵⁶

The building of Arkhangelsk Forestry Institute, which housed a hospital during the Great Patriotic War, after an enemy aircraft raid. Winter of 1943.

Source: State Archive of Arkhangelsk Oblast

⁵³ F. 296, op. 1, d. 919, ll. 61–62. ODSPI GAAO.

⁵⁴ F. 296, op. 1, d. 908, ll. 126–127. ODSPI GAAO.

⁵⁵ F. 834, op. 2, d. 8, ll. 47–49. ODSPI GAAO.

⁵⁶ F. 1936, op. 9, d. 1655, l. 15. GAAO.

The square in front of the Arkhangelsk Drama Theatre. Arkhangelsk residents are digging shelters from attacks by enemy aircraft. Summer of 1942.
Source: State Archive of Arkhangelsk Oblast

Another major area of activity of the city authorities was mobilization to the front. The decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 22, 1941 “On the Mobilization of Military Men in the Leningrad. . . Arkhangelsk. . . Military Districts” implied an urgent conscription of persons liable for military service who were born in 1905–18.⁵⁷ In the first mobilization alone 9,000 “production workers” were sent to the front from the Arkhangelsk enterprises, not counting “special mobilization.” In total, during the war years, Arkhangelsk sent 67 thousand residents to the acting army and 23 thousand of them did not return from the battlefields.⁵⁸

⁵⁷ Decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR of June 22, 1941 “On the mobilization of persons liable for military service in the Leningrad, Baltic special, Western special, Kiev special, Odessa, Kharkov, Oryol, Moscow, Arkhangelsk, Ural, Siberian, Volga, North Caucasian and the Transcaucasian military districts” [in Russian], in *The War of 1941–1945: A Collection of Documents*, ed. S. Kudryashov (Moscow: Arkhiv Prezidenta RF, 2010), 27–28.

⁵⁸ Suprun, *Arkhangelsk during the Great Patriotic War*, 63.

Archangelsk residents of the first conscription to the front near the building of the Barracks of the naval semi-crew in Solombala. June 23, 1941.

Source: State Archive of Arkhangelsk Oblast

Personnel and redistribution of labour resources remained the most important problem of wartime. The decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 26, 1941 introduced overtime work with payment in one and a half amount and the replacement of holidays with monetary compensation.⁵⁹ For the workers of the Arkhangelsk sawmills (18.7 thousand people), the working day increased by 3 hours, which in theory almost completely compensated the number of the people who had gone to the front if measured in man-hours. At the same time, the work of the remaining workers was naturally intensified with a decrease in the quality of work, which often led to an increase in injuries.⁶⁰ On July 23, 1941, the Council of People's Commissars of the USSR adopted a decree "On Granting the Councils of People's Commissars of Republics, Krai (Oblasts) the Right to Transfer Workers and Office Employees to Another Job," which allowed the redistribution of labour in the interests of the defense industries.⁶¹ Military legislation reached its peak in the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of December 26, 1941, according to which workers and employees employed in military industry were rec-

⁵⁹ K.U. Chernenko and M.S. Smirtyukova, comps., *Decisions of the Party and the Government on Economic Issues: Collection of Documents for 50 Years*, in 16 vols., vol. 3, 1941–1952 [in Russian] (Moscow: Politizdat, 1968), 37–38.

⁶⁰ Suprun, *Arkhangelsk during the Great Patriotic War*, 104.

⁶¹ Decree of the Council of People's Commissars of the USSR of July 23, 1941 "On Granting to Councils of People's Commissars of the Republics, Krai (oblasts) the Right to Transfer Workers and Office Employees to Another job" [in Russian], in *Collection of USSR Laws and Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, 1938–1944* (Moscow: Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR, 1945), 236–37.

ognized as mobilized and assigned to the enterprises where they worked. Unauthorized departure from enterprises was equated to desertion and punished according to the laws of wartime.⁶²

Industrial enterprises of the city were also changed in order to aid the front and often they started manufacturing products far from their profile. As a result of the general militarization of the city's industry everyday goods had almost disappeared from sale by the winter of 1941.

The work of the Northern Basin fleet, repair of warships and merchant vessels was provided by 8 ship repair and shipbuilding plants and shipyards in Arkhangelsk, the largest of which were Krasnaya Kuznitsa and Molotovsk shipyard No. 402. From 1941, shipyard No. 402 in Molotovsk, Krasnaya Kuznitsa, and Solombala machine-building plant were switched to the production of ammunition (armour-piercing shells, explosive devices), fragmentation mines, hand grenades, armoured aerial sleds, sledges, and mortars.⁶³ Arkhangelsk ship repair workers also fulfilled special government orders for the production of mine hulls, incendiary and high-explosive aerial bombs. In order to compensate for the reduction of the labour force associated with conscription to the active army, graduates of vocational schools No. 1 in Molotovsk and No. 2 in Arkhangelsk were sent to these enterprises.⁶⁴

With the outbreak of hostilities in the summer of 1941, the entire trawl, fishing and service fleet as well as the Glavsevybprom enterprises were transferred from Murmansk to Arkhangelsk. Upon the arrival of Murmansk organizations, the amount of work in Arkhangelsk increased significantly and working conditions changed to require a maximum increase in fish catch with a limited number of trawlers.⁶⁵

With the outbreak of World War II, the city acquired international significance. After the first negotiations on mutual assistance of the Allied countries on the anti-Hitler coalition, the British naval mission was deployed in Arkhangelsk on July 20, 1941, and the US naval mission, in August. Both of them were to coordinate the actions of the fleets and, in the event of USSR withdrawal from the war, to prevent the capture of the Soviet fleet.⁶⁶

The first allied convoy Dervish arrived in Arkhangelsk on August 31, and by December 1941, 7 allied convoys consisting of 52 vessels had been transported to the port to deliver 699 aircraft, 466 tanks, 330 tankettes and other strategic military car-

⁶² Decree of the Council of People's Commissars of the USSR of July 23, 1941 "On granting to the Councils of People's Commissars of the republics, krais (oblasts) the right to transfer workers and office employees to another job," 247.

⁶³ F. 296, op. 1, d. 1136, ll. 20–21. ODSPI GAAO.

⁶⁴ F. 296, op. 1, d. 889, l. 47. ODSPI GAAO.

⁶⁵ Ibid, l. 86.

⁶⁶ Suprun, *Lend-Lease and Northern Convoys*, 33–34.

goes, which made over 95 % of all cargo delivered to the USSR by the Allies in 1941.⁶⁷

In addition to being an important strategic transport and industrial centre, Arkhangelsk became the nearest rear of the Karelian Front. Twenty hospitals were deployed here and allotted the premises of schools, hospitals, clubs, and institutes.⁶⁸

A significant contribution to the victory was made by the scientists of Arkhangelsk, who were searching for local resources to replace scarce materials and raw materials. The orders of the front and the acute demands of the rear determined the problems of scientific research. ALTI chemists V. Nikitin and I. Bokhovkin created a self-igniting liquid for fighting tanks, which they began to produce in the chemical workshop and laboratories of ALTI.⁶⁹ On the order of the Navy Commissariat, Associate Professor of Medical Institute A. Vedrinskii invented a special paste that prevented freezing of optical instruments. Being Deputy Director for Science at the Arkhangelsk agar plant, he organized the work on the search and production of alternative food resources, as well as the production of sodium alginate for the treatment of wounds. Together with Associate Professor Matusis, in 1940 A. Vedrinskii developed a technology for the production of rosehip extract saturated with vitamin C.⁷⁰ In addition, he also developed a valuable extract from pine needles for the treatment of scurvy, which saved thousands of city residents from death.⁷¹ Surgeons G. Orlov and S. Elizarovskii developed a method for the reconstruction of damaged nerves, which was approved by the chief surgeon of the Red Army N. Burdenko.⁷²

Strengthening of centralization and the transition of life in Soviet cities “on war footing” with the outbreak of the Second World War entailed the establishment of military order accompanied by a new round of repression. In his letter to his brother dated November 12, 1940, Vasilii Smirnov, a Kostroma local lore expert, historian, archaeologist and geologist, who was exiled to Arkhangelsk in 1930, noted: “There are arrests among students. By the way, the son of A. Ugryumov, a student, was ar-

⁶⁷ Suprun, *Lend-Lease and Northern Convoys*, 44.

⁶⁸ Butko, *Arkhangelsk Oblast during the Great Patriotic War*, 153.

⁶⁹ F. 296, op. 1, d. 921, l. 85. ODSPI GAAO.

⁷⁰ F. 296, op. 1, d. 1016, ll. 1–2. ODSPI GAAO.

⁷¹ Autobiography of Professor A.I. Vedrinskii. F. 1, op. 3, d. 412, ll. 2–5. Arkhiv muzeya istorii meditsiny Evropeiskogo Severa Severnogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta [Archive of the Museum of the History of European North Medicine of the North State Medical University], Arkhangelsk, Russian.

⁷² A.V. Andreeva, “The activities of the Arkhangelsk Medical Institute during the Great Patriotic War” [in Russian], in *Historical Experience of Medicine during the Great Patriotic War of 1941–1945. Proceedings of the 7th All-Russian Conference with International Participation* (Moscow. May 12, 2011) (Moscow: MGMSU, 2011), 11–12.

rested. The young man is 21 years old.”⁷³ The NKVD tightened control over the sentiments of the population and expanded the network of informants, primarily through the MPVO system. Any evidence of political disloyalty was immediately reported to the NKVD. This trend especially intensified with the outbreak of World War II. The most minor offenses were equated to counter-revolutionary agitation and espionage. In the first ten days of July 1941, the MPVO headquarters ordered to paste over glass in window frames to protect it from the explosive wave of air bombs. A rumour spread around the workers’ settlement of lumber mill No. 23 at once that it was necessary to remove all window and door curtains and tablecloths, take away all linen and be ready for departure. In an hour and a half curtains, draperies and tablecloths were removed. Female citizen T. Sevast'yanova who started the rumour was immediately arrested and the materials of the case were sent to the military tribunal.⁷⁴ In their actions, local authorities relied on GKO Decree No. 31 of July 6, 1941, “On Responsibility for the Distribution of False Rumours Arousing Public Concern during the Wartime.”⁷⁵

In September 1941, the NKVD authorities revealed a number of cases of anti-Soviet agitation among the workers of the Arkhangelsk industrial hub. The workers spread “defeatist rumours” and campaigned to “lay down the arms.” For instance, at timber mill No. 16–17, a carpenter Pritchkin said: “The USSR will do nothing with Germany! Their machines are stronger than ours. The radio is not telling the truth, the newspapers cannot be trusted.”⁷⁶ There were also open calls to fight on the side of Germany against the “hated Soviet rule.” Basically, the statements of workers and employees concerned the weakness of the Red Army and the Soviet command: “Now we must say openly that our leaders only told tales instead of doing business, assuring everyone that our army is heavily armed and invincible”⁷⁷ (an employee of the Severoles trust, regarding an information bureau on the abandonment of Nikolaev and Krivoi Rog). Even those who believed in Soviet rule saw a discrepancy between propaganda and the real situation: “They said that we would fight only on foreign territory, but in reality they surrender a city after a city” (a Red Army soldier who guarded the State Bank).⁷⁸ At the same time, leaflets were found calling for the overthrow of Soviet rule and massacre of the Communists.⁷⁹

⁷³ V.I. Smirnov, “The City of Arkhangelsk in the Early 1930s. (From the Sketches of an Exile Local Historian)” [In Russian] (Arkhangelsk, 2012), accessed November 14, 2014, www.doykov.1mcg.ru.

⁷⁴ F. 834, op. 2, d. 70, l. 87. ODSPI GAAO.

⁷⁵ F. 644, op. 2, d. 1, ll. 169–171. RGASPI.

⁷⁶ F. 296, op. 1, d. 889, l. 23. ODSPI GAAO.

⁷⁷ Ibid., l. 28. ODSPI GAAO.

⁷⁸ Ibid., l. 25. ODSPI GAAO.

⁷⁹ Ibid., l. 28. ODSPI GAAO.

Militarization of the city acquired special character because of the fact that from August 31, 1941, Allied convoys with strategic cargo and a special contingent of foreign sailors began to arrive in the city. In part, this led to increased vigilance and control of the NKVD, strengthening discipline and order, since Arkhangelsk and the port of Arkhangelsk were under the constant control of Stalin himself.⁸⁰

The presence of foreigners in the city in connection with the arrival of the Allied convoys was of particular importance in spreading anti-Soviet views among the population. This fact attracted the attention of the leadership of the oblast committee of the VKP(b) and the NKVD. Thus, in connection with the establishment of trade relations with Great Britain through the Arkhangelsk commercial port, 238 Englishmen arrived in Arkhangelsk for permanent work. The NKVD officers received information about the interest of the British citizens in the food and industrial supply of the city's population, the development of industry and transport, as well as the moral and political attitudes of citizens. In conversations with city residents, the foreigners praised life in democratic countries and found much in common in political regimes and organization of life in Nazi Germany and the USSR. So, two British officers said in the presence of Soviet citizens, "In England there was a view that the regimes in Germany and the USSR were equally oppressive."⁸¹ British officers often arranged reading foreign literature, books and magazines of "anti-Soviet content" in the apartments of city residents. When visiting the apartments of city residents, Englishmen left them various things, such as blankets, worn clothes and shoes, food, which also did not escape the attention of the NKVD. British sailors did not hesitate to sell cigarettes and chocolate at speculative prices, mainly through schoolchildren. Foreigners photographed lines at shops, children fighting for an abandoned piece of chocolate or a pack of cigarettes. By February 1942, 160 "connections" between British and Soviet citizens had been recorded for the period of British stay in Arkhangelsk. Most of the persons who were spotted as having relations with foreigners had an NKVD record as espionage suspects.⁸²

At the same time, some actions of various Arkhangelsk enterprises employees, which until recently had been considered just oversights, were transferred to the category of sabotage.⁸³ The search for those responsible for the disorganization of the

⁸⁰ In the first year of the war the Arkhangelsk port was mentioned in almost every tenth decree of GKO. See F. 644, op. 2, d. 1-355. RGASPI.

⁸¹ F. 296, op. 1, d. 1136, ll. 8-9. ODSPI GAAO.

⁸² Ibid., ll. 10-11. ODSPI GAAO.

⁸³ The following events were qualified as sabotage by the NKVD officials. On October 11, 1941, at the tank farm No. 2, 11 tons of fuel oil was poured into in the tank No. 9 where 900 tons of petrol from the State Reserve and 500 tons of petrol for special construction were stored; as a result, the petrol was put into an unusable state. The management of the tank farm concealed the fact of damage to petrol for a long time. The director of the tank farm was removed from office and put

first weeks of the war was carried out immediately. By the decision of the oblast committee of the VKP(b) of July 1, 1941, the chairman of the Oktyabrsky district executive committee Sladkov was removed from office, expelled from the party and put on trial by the military tribunal for “failure to fulfill the mobilization plan” and the “plan for the supply of vehicles”. Of the 109 cars on July 1, 1941, he put only 59. In addition, Sladkov did not comply with the decision of the military council on the construction of bomb shelters, road repairs, and deployment of evacuation hospitals. At the same time, the military commissar of the Oktyabrsky district was brought to justice “for the lack of control and decreased exactingness, as well as failure to take measures for the timely delivery of vehicles.”⁸⁴

The defeatist views and statements were harshly suppressed by law enforcement agencies. Law enforcement officers and volunteers fought against alarmists and those who sought to stock up on food. To do this, on June 25, 1941, 27 people were allocated from the Oktyabrsky district committee of the VKP(b) to help the police in combating the buy-up of industrial goods and food.⁸⁵ In the strictest manner, the population had to comply with the requirements of the public order: any incident that got out of the usual life became an object of the NKVD’s attention; any citizen who did not have identification documents and registration was arrested. Information reports to the city committee describe the following cases:

On June 29, PSO employees found a citizen Petrov, who does not have a permanent place of residence, under the bridge; he was arrested. At the timber mill No. 23, a female citizen Apraksina was detained as having no permanent place of residence; it is established that she came from the BSSR; she was arrested, because her passport and Komsomol ticket were fake. At the timber mill No. 23, V.A. Ikonnikov was detained; he turned out to be a deserter; he forged a dismissal note and other documents. A citizen who does not have a permanent place of residence was detained at the timber mill No. 22.⁸⁶

We find similar references in the diary of F. Parshinskii. The entry of November 16, 1941 says: “A stoker of the *Sofya Perovskaya* ship V. Chemerov was shot for absenteeism and simulation of illness.”⁸⁷

On November 14, at a meeting of party activists, the head of the oblast NKVD department, P. Malkov, stated that “counterrevolutionary agitation is acquiring not individual but massive character and monstrous forms and sizes,” in with regard it was necessary to strengthen the work of the NKVD and the police.⁸⁸

on trial; the party organiser of the tank farm was given a reprimand to be placed in his personal file. (F. 296, op. 1, d. 921, l. 58. ODSPI GAAO.)

⁸⁴ F. 834, op. 2, d. 1, l. 27. ODSPI GAAO.

⁸⁵ F. 834, op. 2, d. 70, l. 63. ODSPI GAAO

⁸⁶ Ibid., l. 88. ODSPI GAAO

⁸⁷ Parshinskii, “The Diary of a Resident of Arkhangelsk F.N. Parshinskii,” 73.

⁸⁸ F. 296, op. 1, d. 921, ll. 42–43. ODSPI GAAO.

A special feature of the wartime public sentiments was the atmosphere of all-common fear. A children's doctor M.V. Pikkel', Doctor of Medicine, Professor, Head of the Pediatrics Department at Arkhangelsk Medical Institute, one of the founders of the Arkhangelsk Oblast children's teaching hospital, wrote the following about that time:

... The war years were terrible not only because of the losses of loved ones at the fronts, the deaths of thousands and thousands of civilians from exhaustion and disease in the rear, but because of, what was most terrible, universal suspiciousness, the destruction of our own people by the all-powerful and brutal machine of the NKVD.⁸⁹

The system of total fear was accompanied by total all-round reporting to the authorities. The habitual suspiciousness of Soviet citizens, warmed up by the authorities on purpose, was greatly strengthened by searching and identifying an infinite number of "spies" and "saboteurs," a significant part of which were ordinary "blabbers" and did not pose a serious threat. All that exacerbated the situation of the population, difficult as it was, during the years of the Great Patriotic War.

The material and living conditions of the city's population during the Second World War posed a big problem. An acute shortage of food resources had been observed since 1939. In a letter to his brother dated June 2, 1939, V. Smirnov wrote:

Recently, when walking past a queue for fish of 4,000 people, I paid attention that that at least 30–40 % of them were at the age of schoolchildren.⁹⁰

With the outbreak of the Great Patriotic War, the food situation became much more complicated. The shock and complete unpreparedness of the city authorities for war is emphasized in numerous archival documents and memories of respondents. Experienced in living in Soviet cities with chronic shortage of goods, city residents rushed to buy up essential commodities. However, secret decisions of the central and local authorities to combat "panic-mongers and disorganizers" forbade the residents to stock up on food products.⁹¹ Prices for almost all types of goods rose dramatically.

The war and the card supply system made significant adjustments to the composition of workers in Soviet enterprises. Previously a woman could remain a housewife, but when most men had been taken to the front, women had to bear the heavy burden of supporting the family. In the first three months of the war, 5.2 thousand women came to work at the city's enterprises, and in the first year and a half, 13 thousand. Gradually, female labour in the industry of Arkhangelsk became predominant. While

⁸⁹ Memoir of M.V. Pikkel', manuscript from personal archive of T.N. Ivanova, Arkhangelsk, 2005, 95.

⁹⁰ Smirnov, *The City of Arkhangelsk in the Early 1930s*, 41.

⁹¹ F. 834, op. 2, d. 70, l. 64. ODSPI GAAO.

in September 1941 the number of women employed in the city's sawmills was 54 % of the total number of personnel, in January 1945 it was 70 %.⁹²

Card supply norms could not provide for the needs of the city population. Hunger came to the city in the autumn of 1941. Many citizens were not able to make food supplies. By November 1941, all food resources were exhausted. By the winter of 1941, birds, dogs and cats in the city had disappeared. On November 22, 1941, F. Parshinskii, a single pensioner, wrote in his diary: "Today at 12 o'clock I strangled a cat with twine", and on November 23, "I washed its liver, lungs, heart and kidneys and put them in a small saucepan. I will cook them. And eat."⁹³ Similar cases of eating cats and dogs were becoming widespread. In the secret minutes of the meetings of the oblast committee of the VKP(b), information about them is found systematically. In particular, the whole meeting of the oblast committee of April 2, 1942 was devoted to this problem. The city residents mentioned in the investigation case file who "slaughtered and consumed cats and dogs for the purpose of counter-revolutionary agitation," were arrested and prosecuted.⁹⁴

The war introduced additional changes to the supply system in favor of servicemen of all military branches and the NKVD, especially the commanding staff. Under the conditions of short supply, the employees of the procurements system found themselves in no less privileged situation. While the officials from the city and oblast leadership "booked" part of the food resources from city funds for themselves by default, the procurements system employees turned into agents and dealers: all of them parasitized the system of special supply under the conditions of hunger. In addition to archival documents, this fact is illustrated by the memoirs of an employee of the Arkhangelsk port V. Korel'skii:

Those cruel times highlighted the human essence brighter than x-rays. Some people shared the last hunk of bread even with a stranger. And others abused their official position to make capital out of human misery. It was this reason that prompted me to leave Arkhmortorgport in the spring – the authorities there were almost openly engaged in forgery and theft.⁹⁵

An opportunity of easy profit resulted in the fact that "appropriation of food products and cards, dispensing food items on notes without cards above the norm, the facts of ripping off the population of the city when measuring, weighing and calculating, the illegal issuance of food cards" reached incredible proportions during the war

⁹² Suprun, *Arkhangelsk during the Great Patriotic War*, 75.

⁹³ Parshinskii, "The Diary of a Resident of Arkhangelsk F.N. Parshinskii," 111–12.

⁹⁴ F. 296, op. 1, d. 1172, l. 36. ODSPI GAAO.

⁹⁵ V.P. Korel'skii, *In My Lifetime: Memories, Family Legend, Thoughts [of the Oldest Northern Captain]* [in Russian] (Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1996), 125.

years.⁹⁶ The situation aggravated in the winter of 1941–42. There is a revealing instance described in the special message of the NKVD to the secretary of the Arkhangelsk oblast committee in February 1942 “On the liquidation of the group of embezzlers in the bakery No. 2 of the Isakogorsky bread-baking complex.” A gang of 12 people was operating at that facility for a long time. The bakery workers systematically “supplied” bread without issuing the proper expenditure documents. For the sale of stolen bread “these persons entered into criminal relations with employees of the canteen No. 17, who sold bread through a barmaid, without cards.” They also sent the stolen bread to the store No. 79 of the Arkhtorg network and stalls No. 234 and 245. As a result of the transactions audit, shortages of bread and bakery products totalling 21,203 roubles were revealed, and shortages in raw materials amounted to 9,237 roubles. The People’s Court of the Proletarsky District sentenced the organizers to imprisonment of 5 to 7 years with confiscation of property. Other defendants received appropriate punishment.⁹⁷ Let us note that an elderly pensioner F. Parshinskii received 10 years of camps, from where he did not return, for “counter-revolutionary agitation” (conversations with neighbours and keeping a diary).⁹⁸

As a result, by the end of the war there was a situation of monstrous property stratification. Businesslike participants in the chains of underground business did not seek to hide the capital that they managed to accumulate during the war years exploiting the famine and misery of their own fellow citizens: everyone had long been used to making money on someone else’s misfortune. This injustice was extremely difficult for the combatants to put up with. Alexander Shishkin, who had fought on the Karelian Front and arrived in the city in May 1945 to visit his father, said:

... there was nothing we could do. As a result, my sister and mother died during the war. . . I was the only one who my father still had – the apartment was taken away. Someone (soldiers, 33rd reserve regiment) scavenge in the trash, they lived so badly: emaciated, skinned. And others carouse, drink and paint the town red.⁹⁹

In the winter and spring of 1941–42, Arkhangelsk hospitals were crowded with people diagnosed with dystrophy, vitamin deficiency, general exhaustion, starvation edema, pellagra, scurvy, heart failure, atrophy. The causes of all these diseases are undernourishment and poor quality of food. Mortality from scurvy was especially high. Under the conditions of malnutrition, unsanitary conditions, mass migration processes and high density of population, infectious diseases became widespread. In

⁹⁶ F. 834, op. 2, d. 264, ll. 85–86 ob; d. 265, ll. 101–107. ODSPI GAAO.

⁹⁷ F. 834, op. 2, d. 191, l. 17. ODSPI GAAO.

⁹⁸ F.N. Parshinskii, “The Diary of a Resident of Arkhangelsk F.N. Parshinskii,” 151.

⁹⁹ A.I. Shishkin, interview by E. Khatanzeiskaya, November 9, 2007. A.I. Shishkin (b. 1921) was interviewed by the author of the article at his place of residence on November 9, 2007, 15: 45–19: 20.

1941 there was an increase in the incidence of typhoid fever, dysentery, typhus and measles, and in 1942 the incidence of typhoid fever and dysentery increased due to the deterioration of the sanitary condition in the city and its food enterprises. However, thanks to the work of Arkhangelsk doctors, after 1942 typhoid fever began to decline. By the end of the war, dysentery had practically disappeared from reports, and the incidence of typhus had sharply decreased (with the exception of 1944 when an outbreak of the disease was observed). By the end of the war, measles had been practically reduced to zero in Arkhangelsk.

The situation with providing medical institutions with fuel and medicines was an emergency. A letter of the head of the infectious diseases hospital Professor D. Nikitin to the City Committee of the VKP(b) dated 1942 mentions a very difficult situation with fuel supply, which made the control of infectious diseases, typhus in particular, extremely difficult. The professor predicted a new epidemic outbreak of typhus, intestinal infections and childhood diseases (scarlet fever and diphtheria). The hospital did not have its own laundry, and “linens were washed in the laundry of the first city hospital, designed for 800 beds (but it had to serve 3 thousand beds).”¹⁰⁰ Water was periodically turned off. The clinic often received lice-ridden patients and disinfecting them was extremely difficult. It was very cold in the wards and the patients got additional colds and complications in the form of pneumonia. In addition to the main work, the hospital staff was busy “sawing wood.”¹⁰¹ All medical institutions in the city faced similar difficulties. The physiotherapy clinic, where main types of treatment were baths and mud cure, could not actually use those methods of treatment due to the lack of firewood.¹⁰² The first city hospital also had no firewood.¹⁰³ Sanitary inspection rooms and bathhouses stopped working.¹⁰⁴

During the war years, birth rate in Arkhangelsk sharply decreased and death rate increased. During the winter-spring of 1941–42, death rate 3 times exceeded the birth rate. The maximum number of deaths occurred in April 1942. Population growth was achieved only in the last year of the war.¹⁰⁵ Among the dead there was a significant number of children younger than 1 year of age. The percentage of premature births was extremely high. At the Samoilova maternity hospital it constantly increased: from 5.4 % in 1937 to 8.8 % in 1939 and 13.1 % in 1941. In 1942 the percentage of premature births in the city reached 22.5 %. Only in 1944 this figure equalled the rate in the first year of the war (13.3 %).¹⁰⁶

¹⁰⁰ F. 834, op. 2, d. 154, ll. 2–3. ODSPI GAAO.

¹⁰¹ Ibid., l. 4.

¹⁰² Ibid., ll. 5–6.

¹⁰³ Ibid., l. 13.

¹⁰⁴ Ibid., l. 10.

¹⁰⁵ F. 32, op. 1, d. 81, ll. 54–54 ob. GAAO.

¹⁰⁶ F. 834, op. 2, d. 571, l. 10. ODSPI GAAO.

A similar picture was presented by statistics on stillbirths and infant mortality. According to the table of child mortality in the Samoilova hospital in 1938–40, it was 0.9–1.8 % respectively; in 1941, 2.2 %; in 1942, 4.2%; in 1943, 2.8 %; in the first half of 1944, 2 %.¹⁰⁷ Poor nutrition, chronic vitamin deficiency, difficult working and living conditions could not but affect the reproductive function of women. The largest number of preterm births was revealed in Arkhangelsk in 1942. This indicator placed the city to one of the top places in the USSR.¹⁰⁸

When analyzing the causes of stillbirths for 1943 in the city of Arkhangelsk, the main gynecologist of the city D. Margolis drew attention to the fact that the first place among stillbirths was occupied not by the known sections of obstetric pathology, but by problems caused by the influence of “vitamin deficiency of the mother on the fragility of the vessels of the foetus,” which caused, in particular, haemorrhage in the brain and bone marrow of the foetus.¹⁰⁹

Birth rate and death rate including child mortality were directly dependent on social stratification of the Soviet society and the supply system, which was reflected in the “Report on Female Reproductive Impairment during the War.”¹¹⁰ While studying the materials of the maternity departments of Arkhangelsk, the main gynecologist of the city D. Margolis pointed out an abrupt decrease in birth rate in the industrial districts of the city in wartime. Having studied the composition of women in childbirth in all maternity departments in Arkhangelsk, she concluded that the greater part of women who gave birth in wartime comprised the workers of public catering (canteens, shops, bakeries); the second place was taken by housewives (the wives of military personnel and party officials); the third place was taken by the rest of women (employees of state institutions and industrial complexes, medical professionals). The number of women who worked at plants and factories was relatively small among the patients of maternity departments.¹¹¹ On examining the women from the industrial suburbs of the city, a medical board which included the leading doctors of the city concluded that 82 % of the women they examined suffered from amenorrhea, which resulted in early ageing, prevented and in the extensive stage even excluded childbirth. In general, this condition was common in women who worked at sawmills and similar enterprises. There were very few cases of amenorrhea among public catering workers, housewives and desk clerks.¹¹² The doctors concluded that it was low

¹⁰⁷ F. 834, op. 2, d. 571, l. 12. ODSPI GAAO.

¹⁰⁸ Ibid.

¹⁰⁹ Ibid.

¹¹⁰ “Otchet v gorkom o narusheniyakh proizvoditel'noi funktsii zhenshchin vo vremya voyny (g. Arkhangel'sk, gorodskoi akusher D.L. Margolis)” [Report to the City Committee on female reproductive impairment during the war (Arkhangelsk, City Obstetrician D.L. Margolis)]. F. 834, op. 2, d. 571. ODSPI GAAO.

¹¹¹ F. 834, op. 2, d. 571, l. 9. ODSPI GAAO.

¹¹² Ibid, l. 10.

quality of food, bad working and living conditions, lack of basic amenities that adversely affected the reproductive function of women and caused mass infertility, significant number of stillbirths, and physical weakness of newborns and mothers.¹¹³

In addition to starvation and cold, poverty and most difficult living conditions, the situation with child morbidity and mortality was complicated by the fact that there was no children's hospital for non-infectious patients in Arkhangelsk; there was no children's surgical department, so "children with surgical diseases could be hospitalized only together with adults in the departments where there were no conditions for servicing children," in the districts of the city there were not enough beds or there were no beds for therapeutic sick children. The building of the children's clinic was in disrepair. A hospital for hypotrophic children and tuberculosis children, which was opened at the end of the war, could not make up for the lack of beds for sick children.¹¹⁴

Conclusion

Thus, with the outbreak of World War II, the process of centralization in the management system began in Arkhangelsk and it was accompanied by the militarization of all spheres of society in order to mobilize resources for the front. Upon the invasion of German troops on the territory of the USSR, mobilization of resources acquired a total character and was carried out mainly from internal sources. The deterioration of the material and living conditions of the country's population, of Arkhangelsk residents in particular, manifested itself in 1939, but became critical with the outbreak of the Great Patriotic War. Despite the crucial role of Arkhangelsk as a key strategic point in the European North and a transport hub that supplied arms, medicine and food to the front, during the war years the population of the city was forced to wage a fierce struggle for survival.

In general, in connection with the outbreak of hostilities, in 1939–40 there was actually a transition to emergency methods of contracting labour, which had been already used by the state in 1929–30. The shortage of personnel, which was generally characteristic of the Soviet system, intensified many times. Labour of the special contingents, as well as labour mobilization of working and non-working population of the city was widely used in industry, during the reconstruction of the port, in the construction of defensive fortifications and structures. During the Great Patriotic War, a campaign was launched to attract women and teenagers to production, which was facilitated by the card supply system. The scarcity of resources and their uneven distribution, increased stratification, the problems connected with management system organization during wartime led to numerous failures in the system of procurement and supply of urban population.

¹¹³ F. 834, op. 2, d. 571, l. 9. ODSPI GAAO.

¹¹⁴ Ibid., l. 12.

The twelve-hour working day and the system of assigning workers to enterprises along with the card system and extreme shortage of resources gradually depleted the strength of the citizens. Living conditions in wartime were greatly complicated by massive bombing, during which it was the effort of the population that made it possible to defend the city as a port of international importance which supplied the most important strategic cargoes to the front in all the years of the war. Food shortages, the destruction of the municipal system of the city, mass migration processes created the conditions for the spread of infectious diseases. At the cost of incredible efforts, the city doctors stopped the epidemics that had begun. A significant undermining of the population's health was expressed in high morbidity and mortality due to hunger and lack of basic communal amenities. In addition to the losses on the front (out of 67 thousand conscripted people, 23,052 died), according to official statistics from civil registry offices for 1941–44, 38 thousand citizens died from starvation and disease.¹¹⁵

Список литературы

Андреева А.В. Деятельность Архангельского медицинского института в годы великой отечественной войны // Исторический опыт медицины в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Материалы VII Всероссийской конференции с международным участием (Москва. 12 мая 2011 года). – Москва: МГМСУ, 2011. – С. 11–12.

Архангельская область в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: сборник документов / составители В.А. Бутко и др. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1975. – 230 с.

Научное и хозяйственное освоение Советского Севера, 1933–1945 гг.: в 4 т. Т. 4. *Белов М.И.* История открытия и освоения Северного морского пути. – Ленинград: Морской транспорт, 1969. – 510 с.

Васильченко Т.Е. Польские граждане на Европейском Севере СССР: от депортации к амнистии и репатриации (1939–1946): монография / под редакцией М.Н. Супруна. – Архангельск: Поморский государственный университет, 2010. – 256 с.

Война. 1941–1945: сборник документов / под редакцией С.В. Кудряшова. – Москва: Архив Президента РФ, 2010. – 512 с.

Война. Запечатленные дни, 1941–1942: дневники и документы / авторы-составители: В.Н. Ильин, В.А. Радишевская, Т.В. Титов. – Архангельск: Правда Севера, 2005. – 269 с.

Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в Архангельской, Кировской областях и Коми АССР в 1940–1941 гг. // Каторга и ссылка на Севере России. Сборник статей. Т. 1: Польская ссылка / составитель и научный редактор М.Н. Супрун. — Санкт-Петербург; Архангельск: [б.и.], 2004. – С. 137–145.

Ковальчук В.М., Рупасов А.И., Чистиков А.Н. Ленинградцы в годы Великой Отечественной войны: адаптационные практики // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / ответственные редакторы А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. – Москва: РОССПЭН, 2010. – С. 380–387.

¹¹⁵ M.N. Suprun, “Military Arkhangelsk, 1945–1945” [in Russian], in *War and Blockade: A Collection in Memory of V.M. Koval'chuk*, ed. A.N. Chistikov (St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016), 247–59.

Корельский В.П. На моем веку: воспоминания, предания рода, размышления [старейшего северного капитана] / литературная обработка М. Попова. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1996. – 271 с.

Ломагин Н.А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. – Санкт-Петербург: Аврора-дизайн, 2014. – 358 с.

Мельтюхов М.И. Красная армия перед войной: организация и кадры // Военная литература. – URL: <http://militera.lib.ru/research/meltyukhov/09.html> (дата обращения: 08.08.2016).

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов за 50 лет: в 16 т. Т. 3: 1941–1952 годы / составители К.У. Черненко, М.С. Смиртюкова. – Москва: Политиздат, 1968. – 751 с.

Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного совета СССР. 1938–1944 гг. – Москва: Ведомости Верховного совета СССР, 1945. – 362 с.

Северяне – победе. Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны: сборник / составитель К.К. Костров. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1980. – 175 с.

Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – Москва: РОССПЭН, 1999. – 383 с.

Смирнов В.И. Город Архангельск в начале 1930-х гг. (Из записок ссыльного краеведа). – Архангельск, 2012. – URL: www.doukov.1mcg.ru (дата обращения: 14.11.2014).

Супрун М.Н. Архангельск в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Ленинградское отделение Института Истории Академии наук СССР, 1983. – 229 с.

Супрун М.Н. Архангельск военный, 1941–1945 гг. // Война и блокада: сборник памяти В.М. Ковальчука / ответственный редактор А.Н. Чистиков. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. – С. 247–259.

Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои, 1941–1945. – Москва: Андреевский флаг, 1997. – 364 с.

Эдлинский С.Ф. Северный транспортный флот в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. – Москва: Морской транспорт, 1963. – 252 с.

Яров С.В. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. – Москва: Центрполиграф, 2012. – 603 с.

Яров С.В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. – Москва: Молодая гвардия, 2013. – 313 с.

Dodd L. French children under the Allied bombs, 1940–45: An oral history. – Manchester: Manchester University Press, 2016. – 280 p.

Dodd L., Lees D. Vichy France and Everyday Life: Confronting the Challenges of Wartime, 1939–1945. – London: Bloomsbury Academic, 2018. – 264 p.

Khatanzeiskaya E. Everyday Life in Wartime Arkhangelsk: The Problem of Starvation and Death during Second World War (1939–1945) // Septentrio Conference Series. – 2015. – No. 4. Living in the war: Health Care and Living Conditions in Barents region, 1939–1945. Part 2. – URL: <https://septentrio.uit.no/index.php/SCS/article/view/3630> .

Suprun M. Strength and weakness of the totalitarianism in Wartime Soviet Union // Septentrio Conference Series. – 2015. – No. 4. Living in the war: Health Care and Living Conditions in Barents region, 1939–1945. Part 2. – URL: <https://septentrio.uit.no/index.php/SCS/article/view/3632>

Yamashita S.H. Daily life in wartime Japan, 1940–1945. – Kansas: University Press of Kansas, 2017. – 256 p.

References

- Andreeva, A.V. “Deyatel'nost' Arkhangel'skogo meditsinskogo instituta v gody velikoi otechestvennoi voiny” [The activities of the Arkhangel'sk Medical Institute during the Great Patriotic War]. In *Istoricheskii opyt meditsiny v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. Materialy VII Vserossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Moskva. 12 maya 2011 goda* [Historical experience of medicine during the Great Patriotic War of 1941–1945. Proceedings of the 7th All-Russian Conference with international participation. Moscow, May 12, 2011], 11–12. Moscow: MGMSU, 2011. (In Russian)
- Belov, M.I. *Istoriya otkrytiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti* [The history of the discovery and development of the Northern Sea Route]. Vol. 4 of *Nauchnoe i khozyaistvennoe osvoenie Sovetskogo Severa, 1933–1945 gg* [Scientific and economic development of the Soviet North, 1933–1945]. Leningrad: Morskoi transport, 1969. (In Russian)
- Butko, V.A. et al., comps. *Arkhangel'skaya oblast' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, 1941–1945 gg.: sbornik dokumentov* [Arkhangel'sk Oblast during the Great Patriotic War, 1941–1945: a collection of documents]. Arkhangel'sk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975. (In Russian)
- Chernenko, K.U., and M.S. Smirnyukova, comps. *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaistvennym voprosam: sbornik dokumentov za 50 let* [Decisions of the party and the government on economic issues: collection of documents for 50 years]. In 16 vols., vol. 3, 1941–1952. Moscow: Politizdat, 1968. (In Russian)
- Dodd, L. *French Children under the Allied Bombs, 1940–45: An Oral History*. Manchester: Manchester University Press, 2016.
- Dodd, L., and D. Lees. *Vichy France and Everyday Life: Confronting the Challenges of Wartime, 1939–1945*. London: Bloomsbury Academic, 2018.
- Edlinskii, S.F. *Severnyi transportnyi flot v Velikoi Otechestvennoi voine, 1941–1945 gg.* [Northern transport fleet in the Great Patriotic War, 1941–1945]. Moscow: Morskoi transport, 1963. (In Russian)
- Gur'yanov, A.E. “Pol'skie spetspereselentsy v Arkhangel'skoi, Kirovskoi oblastiakh i Komi ASSR v 1940–1941 gg.” [Polish special settlers in Arkhangel'sk Oblast, Kirov Oblast and Komi ASSR in 1940–1941]. In *Katorga i ssylka na Severe Rossii. Sbornik statei* [Penal servitude and exile in the North of Russia: a collection of articles], edited by M.N. Suprun, 137–45. St Petersburg; Arkhangel'sk [n.p.], 2004. (In Russian)
- Il'in, V.N., V.A. Radishevskaya, and T.V. Titov, comps. *Voina. Zapechatlennye dni, 1941–1942: dnevniki i dokumenty* [The war. The days described, 1941–1942: diaries and documents]. Arkhangel'sk: Pravda Severa, 2005. (In Russian)
- Khatanzeiskaya, E. “Everyday Life in Wartime Arkhangel'sk: The Problem of Starvation and Death during Second World War (1939–1945).” *Septentrio Conference Series*, no 4 (2015): Living the War, part 2. <https://doi.org/10.7557/5.3630>
- Korel'skii, V.P. *Na moem veku: vospominaniya, predaniya roda, razmyshleniya [stareishego severnogo kapitana]* [In my lifetime: memories, family legend, thoughts [of the oldest northern captain]. Literary adaptation by M. Popov. Arkhangel'sk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1996. (In Russian)
- Kostrov, K.K. comp. *Severyane – pobede. Vospominaniya veteranov Velikoi Otechestvennoi voiny: sbornik* [Northerners to the victory. Memoirs of veterans of the Great Patriotic War: a collection]. Arkhangel'sk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1980. (In Russian)
- Koval'chuk, V.M., A.I. Rupasov, and A.N. Chistikov. “Leningradtsy v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: adaptatsionnye praktiki” [Leningrad residents during the Great Patriotic War: adaptation practices]. In *Adaptatsiya narodov i kul'tur k izmeneniyam prirodnoi sredy, sotsial'nyim i*

tekhnogennym transformatsiyam/ [Adaptation of peoples and cultures to changes in the environment and to social and technological transformations], edited by A.P. Derevyanko, A.B. Kudelin, V.A. Tishkov, 380–87. Moscow: ROSSPEN, 2010. (In Russian)

Kudryashov, S.V., ed. *Voina. 1941–1945: sbornik dokumentov* [The war of 1941–1945: a collection of documents]. Moscow: Arkhiv Prezidenta RF, 2010. (In Russian)

Lomagin, N.A. *V tiskakh goloda. Blokada Leningrada v dokumentakh germanskikh spets-sluzhb, NKVD i pis'makh leningradtsev* [In the grip of hunger. The Siege of Leningrad in the documents of the German special services, NKVD, and letters of Leningrad residents]. St Petersburg: Avrora-dizain, 2014. (In Russian)

Mel'tyukhov, M.I. “Krasnaya armiya pered voinoi: organizatsiya i kadry” [The Red Army before the war: organization and personnel]. *Militera.lib.ru*. Accessed August 8, 2016. <http://militera.lib.ru/research/meltyukhov/09.html> (In Russian)

Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verkhovnogo soveta SSSR. 1938–1944 gg [Collection of USSR laws and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938–1944]. Moscow: Vedomosti Verkhovnogo soveta SSSR, 1945. (In Russian)

Senyavskaya, E.S. *Psikhologiya voiny v XX veke: istoricheskii opyt Rossii* [Psychology of war in the 20th century: historical experience of Russia]. Moscow: ROSSPEN, 1999. (In Russian)

Smirnov, V.I. *Gorod Arkhangel'sk v nachale 1930-kh gg. (Iz zapisok ssyl'nogo kraevedy)* [The city of Arkhangel'sk in the early 1930s. (From the sketches of an exile local historian)]. Arkhangel'sk, 2012. Accessed November 14, 2014. www.doykov.1mcg.ru. (In Russian)

Suprun, M. “Strength and weakness of the totalitarianism in Wartime Soviet Union.” *Septentrio Conference Series*, no 4 (2015): Living the War, part 2. <https://doi.org/10.7557/5.3632>

Suprun, M.N. “Arkhangel'sk voennyi, 1941–1945 gg.” [Military Arkhangel'sk, 1941–1945]. In *Voina i blokada: sbornik pamyati V.M. Koval'chuka* [War and blockade: a collection in memory of V.M. Koval'chuk], edited by A.N. Chistikov, 247–59. St Petersburg: Nestor–Istoriya, 2016. (In Russian)

Suprun, M.N. *Arkhangel'sk v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg* [Arkhangel'sk during the Great Patriotic War of 1941–1945]. PhD diss. Leningrad Branch of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences, 1983. (In Russian)

Suprun, M.N. *Lend-liz i severnye konvoi, 1941–1945* [Lend-Lease and Northern Convoys, 1941–1945]. Moscow: Andreevskii flag, 1997. (In Russian)

Vasil'chenko, T.E. *Pol'skie grazhdane na Evropeiskom Severe SSSR: ot deportatsii k amnistii i repatriatsii (1939–1946): monografiya* [Polish citizens in the European North of the USSR: from deportation to amnesty and repatriation (1939–1946): a monograph], edited by M.N. Suprun. Arkhangel'sk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet, 2010. (In Russian)

Yamashita, S.H. *Daily Life in Wartime Japan, 1940–1945*. Kansas: University Press of Kansas, 2017.

Yarov, S.V. *Blokadnaya etika. Predstavleniya o morali v Leningrade v 1941–1942 gg.* [Blockade ethics. Notions of morality in Leningrad in 1941–1942]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2012. (In Russian)

Yarov, S.V. *Povsednevnyaya zhizn' blokadnogo Leningrada* [Everyday life of besieged Leningrad]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2013. (In Russian)